

Паромагия

Дмитрий Самохин

Мятеж Безликих

«Автор»

2010

Самохин Д.

Мятеж Безликих / Д. Самохин — «Автор», 2010 — (Паромагия)

Это мир пара и магии. Русская империя. Провинциальный городок потрясла смерть юной девушки. Кто-то украл ее душу. Найти вора предстоит барону Карлу Мюнху и его верному напарнику Миконе. Но смерть девушки лишь звено в цепочке страшных преступлений. А все разгадки находятся в Венеции. Здесь по ночам в небо воспаряют замки, прикованные к земле стальными цепями. Здесь плетут заговоры маги венецианской ложи Морской Гидры. Здесь в секретных лабораториях Оранжевой создают страшные заклинания, а мятежники вздумали переписать историю Земли. Их охраняют Грешники, пьющие чужую магию. Карл Мюнх и его друзья должны любой ценой остановить Мятеж Безликих или погибнуть под осколками старого мира.

© Самохин Д., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	35
Глава 7	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Дмитрий Самохин

Мятеж Безликих

*Так как есть две земли, и у них никогда
Не бывало общих границ,
И узнавший путь
Кому-то обязан молчать.
Так что в лучших книгах всегда нет имен,
А в лучших картинах – лиц,
Чтобы сельские леди и джентльмены
Продолжали свой утренний чай.*

Борис Гребенищikov

Часть 1

Выбор маски

Глава 1

Первый ингредиент

За окном раздался мерзкий каркающий хохот, и Майя тут же проснулась. Она схватилась за край одеяла, как потерпевший кораблекрушение за обломок мачты, и натянула его до подбородка, словно одеяло могло укрыть её от страшного нечеловеческого хохота за окном.

Что это? Откуда оно? Почему опять?

Мысли назойливой мошкаррой крутились в голове, но никак не хотели выстроиться в ряд, чтобы объяснить ей тринадцатилетней дуре, барышне такой манерной, почему она уже третью ночь не может глаз сомкнуть от нескончаемого страха. Почему ее глаза превратились в две вишневые косточки, такие же сухие и маленькие от недосыпа.

Майя натянула одеяло на голову и закрыла глаза. Но с закрытыми глазами тут же обострились другие чувства, усилился слух и осязание. Ей показалось, что на ее кожу выпала ночная роса, и от этого ей стало неприятно, а до слуха доносились мельчайшие звуки из-за окна. Вот царапнула о крышу ветка дуба, растущего возле дома, вот заухала в ночи птица, не понять только кто это, и птица ли, вот сильный порыв ветра пробежался по кронам деревьев, пригибая их к земле, вот хохотнул премерзкий голос, но как-то скомкано, без особого чувства, и тут же потерялся в сонме других звуков, постепенно надоедающих.

Резкий порыв ветра распахнул окно. Оно ударило о стенку и стекло в форточке с дребезгом разбилось, осыпав осколками пол.

Майя откинула одеяло и села на кровати. Трясущимися руками зажгла ночник.

За окном мерзкий хохотун довольно крикнул и умолк.

Майя взяла ночник в руки, спустила босые ноги на пол и, бормоча себе под нос «отче наш», подошла к окну, стараясь не наступить на осколки. Она выглянула наружу, но ничего не увидела в заоконной темени. Только раскачивающиеся костлявые силуэты деревьев и рваные черные тучи, сквозь которые на землю заглядывали звезды и шербатая луна.

Где-то в глубине сада закашлялся хохотун. Майя вздрогнула, неловко переступила с ноги на ногу и взвизгнула, порезавшись об осколок стекла. Чуть было не выронила ночник, но совладала с собой. На секунду она отвлекалась от мира за окном и посмотрела на пол. Из-под ее

босой правой ступни показалась струйка крови. Похоже она сильно порезалась. Надо извлечь осколок.

Когда Майя вновь посмотрела в окно, она увидела чёрную фигуру, громоздкую, нескладную, вычурную, стоящую прямо под окном. Фигура переступила с ноги на ногу, закинула то что у нее было головой вверх к показавшейся из-за туч луне и раскашлялась диким смехом. В неверном лунном свете Майя увидела косматую медвежью голову, принадлежащую уродливому человеку. Таких показывают в кочевых цирках, где платят неплохие деньги за всякое уродство. Медведечеловек был несуразен, кособок, и страшен. У него было заросшее густой коричневой шерстью лицо, рот с оскаленными вурдалачьими клыками и безумные желтые глаза. Монстр протянул к Майе руки и зашелся в новом приступе лающего смеха, вывалив наружу длинный пупыристый язык, похожий на кусок протухшего мяса.

Майя в ужасе отшатнулась от окна. Она не заметила, как руки монстра стали удлиняться. Он тянул их вверх, ко второму этажу, где пыталась укрыться от ночного кошмара девушка. Майя захлопнула окно и, не обращая внимание на осколки режущие ноги, бросилась прочь из комнаты.

Выскочив в коридор, она бросилась сперва к спальне родителей, но, сделав шагов десять, остановилась. Слезы текли из глаз. Майя была жутко напугана, но не кричала. Она помнила реакцию отца, профессора медицины, на истерику, приключившуюся с ней несколько дней назад после первого концерта хохотуна. Ко всем явлениям в мире ее папа относился сугубо с научной точки зрения. Он даже в магию не верил, считал что магия ни что иное как проявление не изученных законов природы. Вот и тогда он разве что ее не высмеял, сейчас она не могла идти к нему. Он ей не поверит и заставит вернуться в комнату, где монстр, она не сомневалась в этом, сожрет ее.

Майя бросилась назад по коридору в комнату к младшему брату. Сейчас ей казалось, что только он может ее спасти. Пробегая мимо своей комнаты, она услышала что в ней кто-то возится, копошится и стонет. Она не ведала, что творила. Её руки потянулись к ручке двери. Она пыталась остановить себя, но ничего не могла с собой поделать. Это не было любопытством. Она боялась того, что могла увидеть в своей комнате. Скорее это было наваждением.

Майя распахнула дверь и увидела свою комнату. Большая кровать с балдахинном, занавески забраны наверх и завязаны, она терпеть их не могла, гардеробный шкаф, туалетный столик, диванчик, на котором сидел мужчина, скрытый от нее в сумерках. На кровати лежала она сама бледная и испуганная, с закрытыми глазами. Одеядло скинуто на пол. Возле кровати стояло трое мужчин в чёрных мокрых плащах, от них пахло уличной сыростью и опасностью. Её взгляд невольно скользнул на разбитое окно. К её изумлению, оно было целым, и стекла были на месте.

Её появление никто не заметил. Мужчины неподвижно стояли вокруг ее кровати. Один продолжал сидеть на диванчике. Майя почувствовала себя посетителем музея восковых фигур, модное в последнее время увлечение в столицах. Всё было вычурным, нарочито подчеркнутым, а главное неестественным.

Что делают в комнате все эти мужчины? Если их увидит отец, он разгневется. Будет страшный скандал. И куда делся этот медведеголовый монстр? Может эти странные люди являются его хозяевами? Они специально запугали ее, чтобы проникнуть в ее комнату и...

Почему-то только последней к ней пришла мысль о том, как она могла оказаться одновременно в коридоре и на кровати. И от этой мысли ей стало по-настоящему страшно. Так страшно ей не было, даже когда она увидела монстра под своим окном.

Где-то далеко на грани сознания послышался дикий хохот, но он ей был уже не страшен.

Майя попятилась и осторожно вышла в коридор. Она тихо прикрыла за собой дверь, боясь помешать той другой спящей Майе и мужчинам статуям. Она отстраненно, словно все это происходило не с ней, подумала о том, как такое могло случиться. Кто сейчас находится

в ее комнате? Кто лежит на кровати, так похожий на нее? Но никаких трезвых ответов на эти вопросы она не могла найти.

Майя прикрыла лицо руками, потерла виски, пытаясь собраться с мыслями и прийти в себя. Ей казалось, что её как подопытное животное поместили в какую-то клетку и ставят эксперимент, и от того как она отреагирует, что она сделает, зависит вернется ли она к нормальной жизни.

Майя неосторожно наступила на пораненную ногу и вскрикнула от резкой боли. На дощатом полу остался кровавое пятнышко. Она ошарашено посмотрела вниз. Как такое возможно? Она только что видела, что окно целое, никто и ничто его не разбивало. А если оно целое, то и осколкам взяться неоткуда. Стало быть, все что она видела там в комнате, это наваждение, обман зрения, мошенничество, жульничество чистой воды.

Майя подняла ногу, схватила себя за пятку и взглянула на нее желая удостовериться, что она не бредит наяву. Стоя на одной ноге, словно цапля, она разглядывала маленький блестящий осколышек стекла, торчащий из ее стопы.

Дверь в ее комнату распахнулась. От неожиданности Майя чуть не упала, выпустила раненую ногу и тут же грубо наступила на нее. Поморщилась от боли и ошалело уставилась на видение, стоявшее напротив нее и держащееся за дверную ручку. Она стояла напротив той, другой Майи. Только перед ней стояло ее мертвое отражение, её трупный вариант с провалившимися внутрь черепа глазами.

Майя не смогла сдержать крик. Она заорала так истошно.

И в ответ ей послышался далекий раскатистый смех медведеголового хохотуна.

Только она его не слышала. Её маленькое девичье сердце не выдержало увиденных кошмаров и остановилось. Майя замертво упала на пороге своей комнаты.

* * *

Обряд завершился. Ловец чувствовал себя измотанным и опустошенным, но в его силках трепетала выпущенная на волю из клетки тела душа невинной девушки. Правда не долго душа летала свободной, она тут же угодила в силки мага, замутившего чёрную ворожбу для ее поимки. Ловец чувствовал, как она дрожала внутри, билась о прутья клетки, пыталась вырваться наружу, но все попытки были напрасными. Если уж Ловец кого-нибудь поймал, то на волю вырваться невозможно. Такова судьба. Такова несправедливость мироздания.

Ловец поднялся из кресла и медленно подошел к неподвижным фигурам трех Жертв, стоящих возле кровати, на которой покоилась бедная девушка, ставшая добычей Ловца.

Жертвы некогда были тремя молодыми мужчинами, купленными за солидное денежное вознаграждение. Ловец нашел их в трактире на окраине города Горлова, предложил им хорошо подзаработать, дав понять, что дело предстоит весьма и весьма дурно пахнущее. Но их это не остановило.

Ловец никогда не ошибался в людях. Он тонко чувствовал живой материал, с которым ему так часто приходилось работать. И в этот раз, лишь только увидев Жертв, он сразу почувствовал, что слеплены они из плесневелового теста, и значит идеально подходят ему. Такие ни перед чем не остановятся. А за деньги готовы будут на любую мерзость.

Ловец дал им задаток, на каждого пришлось по сто империялов, вполне солидная сумма для задатка, но он пообещал им, что основную добычу они возьмут в доме. Плюс намекнул на то, что в доме есть девушка, легкая добыча, можно и поразвлечься, можно и с собой забрать, либо для себя, либо на продажу – сладкий персик.

Жертвы клюнули. Они ничего не почувствовали. Их опьянило предвкушение легкой наживы и беззащитной жертвы, отданной им на растерзание. Только им было неизвестно, что они сами являются Жертвами.

Ловцу была заказана душа невинной девушки, умершей от страха, чтобы ее добыть неповрежденной и не выпустить на волю он должен был провести сложный обряд. И для него ему потребовались трое мужчин, опьяненных собственным желанием. И Ловец их нашел.

Проникнуть в дом не составило труда. Перед проникновением Ловец набросил на и без того спящий дом покрывало «Мертвого Сна». После такого заклинания рядом с домом можно было проводить артиллерийские учения, никто все равно не проснется. Только Майю, девушку избранную для ловли, он оставил в покое. Над ней ворожить он начал несколько дней назад, подготавливая почву для пленения.

Ему нужно было чтобы Майя не просто спала, а видела определенные сны. И над этим он трудился в последнее время.

Ловец был мастером по творению иллюзий и иллюзорного мира. Ему не составило бы труда вырвать человека из привычного мира и поселить в вымышленный. Такой человек обычно становился беспомощным в реальном мире, он не покидал своего жилища, в то время как в вымышленном мире он мог стать кем угодно, царем или героем, дорогой наложницей или любимой женой. Таких мастеров по изготовлению картонных миров было немного, но хватало. Многие из них оказывали за деньги услуги особого рода, создавали под клиента удобный и уютный ему мир. Такие услуги стоило очень дорого, но было весьма востребованы. И не только несчастные больные люди, прикованные к постели, хотели оказаться в ином мире, где они были бы здоровы и способны совершать подвиги и влюбляться. Не только старики, отжившие лучшие годы своей жизни и мечтавшие их вернуть. Многие приходили в тайные студии мастеров иллюзий и делали заказы. Магическими ложами такие студии были запрещены. Игра с иллюзиями была признана высоким и очень опасным искусством, не даром лучшие из магов, овладевших этой наукой, служили магическим ложам. Но все же находились и такие, а их было много, кто решался открыть свое маленькое, но баснословно прибыльное дело. В последнее время мастера иллюзий промышляли изготовлением одноразовых заклинаний, на черном рынке такие заклинания получили название «палитра». «Палитру» можно было купить у толкачей, приторговывавших незаконными артефактами и заклинаниями. Купивший «палитру» получал капсулу с заклинанием. Её нужно было взломать и вдохнуть едкий желтый дым, появлявшийся из капсулы. Желательно при этом находиться в закрытой комнате и возле кровати. На четыре часа «счастливчик» проваливался в вымышленный мир. Выбор миров в этих одноразовых капсулах счастья был невелик, три или четыре разные схемы. Но главное было в другом. Любой человек, принявший капсулу «палитры» или получивший на индивидуальном приеме от мастера иллюзии свой собственный мир, становился зависимым от вымышленной реальности. Его непреодолимо тянуло назад, туда где и трава была зеленее, и где сам он значил больше чем в этой сырой простывшей реальности. После того как в вымышленном мире человек примерил на себя костюм всемогущего, ему было сложно признаться в собственной беспомощности в реальном мире.

Ловец не промышлял изготовлением картонных миров, не создавал и плохого качества одноразовые заклинания «палитры», у него была другая профессия, более завлекательная. Но нечто подобное он создал для Майи. Пока она спала, он ее заставил видеть искаженную реальность, пугающую, заставляющую стечь кровь в жилах. Реальность, разрывающую разум.

Ловец любил свое дело, и получал удовольствие от того, что творил. Он искажал реальность, пугая девушку по чуть-чуть, по капельке, чтобы добиться идеального сочетания страха в душе умершей.

И вот сегодня настал тот день, когда он должен был довести дело до конца. Майя уснула и видела кошмарные сны о медведеголовом, когда Жертвы проникли в дом и поднялись к ней в комнату.

Ловец следовал за ними. Он выжидал. Ему нужно было, чтобы Жертвы достигли нужной выдержки, чтобы закончить обряд поимки души. Он ждал когда они увидят ее, когда эротическая энергия опьянит их разум, и тогда можно будет приступать к обряду.

Теперь Ловец стоял над постелью остывающей девушки, а рядом с ним возвышались три высохшие статуи. От Жертв остались лишь окаменевшие скелеты, обтянутые кожей. Ловец высосал из них все жизненные соки.

Ловец бросил последний взгляд на тело Майи. Мертвая девушка выглядела очень жалостливо. Ему было жалко ее, но такая уж у него работа. Ловец усмехнулся. У него получилась неплохая композиция. Трое голодных мужчин вокруг кровати, на котором лежит блюдо из свежеприготовленной мертвой девушки.

Ловец закутался в плащ, чувствуя как бьется внутри него душа убитой страхом Майи, она еще не поняла, что с ней стряслось, он подошел к окну и распахнул его. Накинув на голову плащ, Ловец взгляделся в темноту. На улице шел дождь – мелкий, противный. Ему предстояло пройти сквозь мокрый сад, перебраться через ограду и выйти на дорогу, где он оставил коляску.

Ловец испытывал отвращение перед дождевыми каплями. Стоило ему представить, как они пробираются к нему за шиворот, как его передернуло. Он натянул перчатки на руки, плотно завернулся в плащ, словно в непромокаемое гнездо, натянул на голову капюшон и закрыл лицо непроницаемой повязкой из влагоотталкивающей ткани, изобретение ученых с Ближнего, только глаза сверкали из-под повязки.

Ловец отвернулся от окна и вышел из комнаты, оставляя позади себя мертвую оболочку Майи и три окаменевшие мумии Жертв.

Глава 2

Город скрипящих статуй

Шелест лёгкий ветерок, заблудившийся в старом заброшенном городе, и в его шелесте слышался тихий вкрадчивый шёпот тысячи голосов, словно армия призраков выбралась из могильников и пыталась о чём-то рассказать живым, предупредить, пожаловаться, наставить на путь истинный.

Карл Мюнх и сам не знал как здесь очутился. Ещё некоторое время назад он работал у себя в кабинете на Гороховой улице в Невской Александрии, а теперь стоял на вершине холма, у подножия которого расстилался древний город.

Здесь на холме, нависая над городом словно ожидание небесной кары, некогда стоял внушающий уважение и страх храм, не менее древний чем и сам город. С кустарником высоких мраморных колонн цвета таёжного снега, держащих на своих головах массивную каменную крышу, украшенную батальной лепниной. Десятки скульптур, изображавших богов и героев древности, образовывали аллею почёта внутри храма и упирались в шестиметровую поражающую воображение статую. На огромном троне, попирающем небо, сидел могучий пожилой мужчина, умудрённый жизнью. Кудрявая борода и копна непокорных волос, мускулистое тело, выглядывающее из-под одежд, в одной руке он держал посох, другая протянута вперёд открытой ладонью. На ладони словно озябший воробышек, слетевший поклевать хлебных крошек, сидел хищный орёл, выглядевший покорным и крохотным на фоне старого бога.

Когда-то храм выглядел величественно, но теперь всё изменилось. Безжалостные ветры времён расшатали колонны и повалили часть из них, но крыша продолжала стоять, хоть и меньшее количество столпов её поддерживало. Заросли бурьяном ступеньки и плиты храма, вездесущие сорняки пробивались повсюду, находя щели и выбоины в камне. От аллеи богов и героев, некогда притягивавших к себе тысячи паломников, почти ничего не осталось. Некоторые статуи исчезли окончательно, не осталось даже роскошного постамента, другие утратили своё величие, износились, словно старое некогда богатое пальто, которым хозяева хвалились перед соседями и родственниками, а теперь просто снесли на помойку. Красивая и изящная в былые времена богиня, лишилась рук и печально взирала на забывший её город единственным уцелевшим глазом. Напротив сгорбившись застыл старик без одной ноги и руки с искривлёнными в отчаянии чертами лица, когда-то он был хитроумным богом, покровителем торговли и мореплавания, ныне состарился и оказался всеми забыт и заброшен, и доживал своё в умирающем храме. Орёл улетел с ладони могучего бога, да и на руке уже не хватало пальцев, осыпался каменным крошевом символ верховной власти – древний посох, стержень мироздания. В груди у мудрого бога сияла ровная круглая дыра, словно от попадания артиллерийского снаряда. Умиротворённое лицо с укором взирало на мир, расстилавшийся под ногами.

Мир предавший, продавший и уничтоживший его.

Мир, поклонявшийся ныне новым богам.

Карл повернулся спиной к храму, качнулся на мысках сапог раз, другой в раздумье, как ему поступить, и заскользил вниз по склону холма, придерживая одной рукой болтающуюся в ножнах на поясе шпагу. Туда где виднелись кривые улочки давно покинутого города.

Спускаться по отвесному склону было тяжело. Приходилось идти боком, осторожно, короткими шажками вниз, не выпуская из виду вьющуюся маленькую тропочку, ведущую в город. Тропочка, словно неверная жена, пойманная на лживом слове, петляла и юлила, норовя сбросить путника. Дорога то и дело вырывалась из-под ног, и Карл скользил вместе с каменными ручейками, с трудом удерживаясь в вертикальном положении.

Кто проложил эту предательскую тропинку? Неужели жрецы брошенного храма или паломники? Уж больно неудобно взбираться по отвесному склону в храм на богослужение,

все ноги сотрёшь до сердечного приступа, пока доберешься до цели. Скорее всего это тайная, чёрная тропочка, по которой служители культа за знамо какими нуждами спускались в город, а быть может эту тропку протоптали варвары-завоеватели, разграбившие этот город и уничтожившие храм много столетий назад.

О многом успел подумать Карл Мюнх пока спускался с храмового холма. О том за каким чёртом его сюда занесло? По своей ли воле он попал сюда? Судя по тому, что он не помнил, как очутился в этом мёртвом городе на морском побережье, можно было сделать однозначный вывод, добровольным путешествием тут совсем не пахнет. Значит его похитили и зачем то привезли сюда. Но какой в этом смысл? Зачем кому-то его похищать.

Конечно врагов у него тьма-тьмуца, всех и не упомнишь. Сложно не нажать врагов, служа в Департаменте Тайных Дел Российской империи, к тому же когда ты наделен магической силой и недавно был изгнан из магической ложи Белого Единорога, коей был воспитан, а твой бывший учитель и Великий Магистр ложи Белого Единорога князь Драгомысл, теперь твой непосредственный начальник и возглавляет Тайный кабинет¹. И, надо сказать, князь оказался весьма недоволен тем, что барон Карл Мюнх был назначен в Тайный Департамент. Но он ничего не мог с этим поделать. За Карлом Мюнхом оказалась настолько серьезная сила, что даже он, князь Драгомысл, ничего не мог поделать. Пришлось смириться и отступить... на время...

Так что с врагами у Карла Мюнха был полный порядок, на любой вкус и цвет. Только вот кому могло потребоваться привести его сюда?

Пообещав себе во всем разобраться, Карл сосредоточился на окружающем его пейзаже. В конце концов, только этот безмянный город, мертвый, заброшенный и забытый, мог дать ответы на все интересующие его вопросы.

Тропинка, посадившая храм на холме на поводок города, вильнула в последний раз, скользнула вдоль полуразрушенной крепостной стены, поросшей седым мхом, пахнувшим аптекой, и нырнула в покосившиеся городские ворота, оказавшиеся на удивление открытыми.

Мёртвый город встретил барона лёгким ветерком, заблудившимся среди покинутых стен и улиц, и еле слышимым шёпотом, казалось, доносящимся отовсюду. Карл остановился, замер, заозирался по сторонам, пытаясь понять, откуда доносится шёпот, но его словно бы издавали сами стены. Он вслушивался, что ему нашептывает древний город, но как ни силился, ничего не понял. А быть может это пытаются разговаривать с ним души, живших некогда в этом городе людей или нелюдей, мало ли кто мог здесь жить? Карл хоть и повидал разного, да и привидениями его было не напугать, почувствовал, как волосы встают дыбом от присутствия неведомого, магического, потустороннего. Он попробовал посмотреть на город «истинным» зрением, но к удивлению своему обнаружил, что магический дар ему не подвластен. Как он не пытался оживить, нащупать магию в своей душе, ничего не получалось, словно он никогда и не был с ней знаком. Карл почувствовал себя рыночным фокусником, освиственным после неудавшегося фокуса.

Карл испугался. Он – маг, лишённый магии. Шутка ли сказать. Магия составляла его сущность, была его внутренним стержнем, колонной, подпиравшей крышу мира, и вот колонну выбили, крыша покосилась и того и гляди рухнет, погребет под своими обломками все живое.

Карл запретил себе паниковать. Сейчас он решил посвятить себя городу, позвавшему его.

Он стоял на широкой улице, с обеих сторон которой возвышались дома с открытыми террасами, оплетёнными вьющимися ползунами. Город поражал обилием открытого пространства, позволявшего ветрам, дующим с моря, играть здесь в прятки. Безмянный город уже не выглядел мёртвым, обрушившимся, разорённым. Складывалось впечатление, что все жители из него ушли только вчера, и неумолимый палач время не успел навести последний макияж

¹ Об этих событиях рассказывается в романе «Опережая бурю»

на лицо обречённого на казнь. Карл не видел ни одного запущенного неухоженного здания, не видел грязи и мусора на улицах. Было чисто и прибрано, словно невидимый дворник каждое утро подметал мостовые. Не было и развалин и руин, неизбежных в брошенных и забытых городах. Целые и опрятные здания заполняли город, словно намекая на то, что жизнь не ушла с этих улиц, но перешла на иной пласт бытия, не видимый глазу простого человека, путь даже и мага, лишённого временно (Карл верил, что временно) своих магических сил.

Карл шёл по улицам города, внимательно осматриваясь по сторонам, изучая его, пытаясь разгадать загадочную душу этого странного города. В нём было что-то от древних эллинских живых городов (быть может колоннады и ощущение простора), но Карл не узнавал это место, хотя в своё время со старым бароном Мюнхом он неоднократно бывал во всех значимых городах Древней Эллады, доживших до наших дней и оставшихся только в руинах и памяти.

Карл размышлял об этом, когда увидел первую деревянную статую, стоящую возле каменной стены. Он заинтересовался, перешёл на противоположную сторону и подошёл к статуе. Она изображала эллина, городского война, стомлённого палящим солнцем. Изогнутый шлем с богатым плюмажем, искусно прорезанным в дереве, ослабленный ремешок под подбородком, человеку стало плохо, душно, и он дёрнул ремешок, отчего шлем чуть съехал на сторону. Меч так и остался в ножнах, щит прислонён к стене, да и сам воин на нее облокотился, на лице застыла непереносимая мука. Такое ощущение, что неведомый резчик отразил последние предсмертные минуты жизни древнего стражника, но как искусен мастер. Стражник казался живым, ему хотелось помочь, уложить на мостовую, разорвать на груди хитон и сделать массаж останавливающегося сердца. Карл не сомневался, что видит перед собой сердечный приступ, он так же не сомневался, что после этого приступа воин не выжил.

Карл хотел было идти дальше, но одна деталь бросилась ему в глаза. Живые полные муки и мудрости глаза. Такие резцом не вырежешь, как не старайся всё равно фальшиво выйдет. Карл подумал, что это заключённый магическим образом в статую человек и попробовал увидеть его «истинным» зрением, забыв о том, что он утратил все свои таланты. Но его попытка дала неожиданный результат, он ничего не увидел, только лишь услышал... шёпот. Теперь Карл не сомневался, что ему шепчет деревянная статуя.

– ... ветер... скоро... жизнь... разность... ветер... время... необратимость... цветок...

Как Карл не старался, он слышал только разрозненные слова, никак не складывающиеся в осмысленные предложения. Если и пытался древний деревянный воин его о чём-то предупредить (по одной версии искусная статуя, по другой магический пленник), у него это плохо получалось.

Карл продолжил путь, оставив деревянного стражника, умирающего от сердечного приступа, далеко позади.

Следующую статую, да не одну он встретил всего через несколько шагов, когда завернул за угол. Поражённые неизвестной болезнью, или чужеродным магическим проявлением десять человек в средневековых богатых одеждах замерли на мостовой. Они пытались от чего-то заслониться руками, кто-то явно творил магические пассы, быть может пытался создать зеркальный щит, но похоже им это не помогло. Как и в случае с первой статуей Карл был уверен, что видит последние минуты жизни изображённых в дереве людей. Все десять человек были мужчинами в богатых беретах с металлическими значками, изображавшими родовые гербы, в пышных камзолах с надутыми рукавами и обилием золотых побрякушек, свисавших с шеи и пояса. Пальцы унизаны перстнями с драгоценными камнями и просто из золота. Лица изъедены неизвестной болезнью, или заклинанием, местами сквозь кожу проглядывали кости. Лица искажены, рты исковерканы предсмертной мукой.

Карл обошёл стороной группу средневековых горожан и пошёл дальше. Несколько раз он оглянулся, поражаясь тому, что неизвестный скульптор не только вырезал статуи из дерева,

придав им максимальную достоверность, но после раскрасил их, подобрав естественную палитру.

Теперь статуи стали встречаться буквально на каждом шагу. Чаще всего мужчины, но встречались и женщины и дети, из разных временных эпох и социальных слоёв, их объединяло только одно – все они умирали и чаще всего насильственной смертью.

Вот женщина в простой серой одежде времён Первой Магической Войны за Светоч, её руки воздеты над головой, и Карл мог бы поклясться, что они выплетают заклинание, но из груди торчит лезвие меча. Глаза выпучены в предсмертной агонии и кажутся живыми.

Вот мужчина лет шестидесяти, страдающий подагрой и лицевым трясом, судя по всему он жил лет пятьсот назад, но скорее всего до Второй Магической Войны. Об этом говорил богатый чёрный плащ, защищённый магическими символами, чьё значение в ходе Второй Магической было утрачено. В руках мужчина держит дорогой кошелек, видно приготовился за что-то расплачиваться, и не ожидал предательского удара стилетом в спину.

Вот двое детей, объятые пламенем. Дворовая шалупонь, проводящая все дни напролёт на улице, и балующаяся хитроумными проказами и злыми шутками. Дети явно заигрались и сами пострадали от своих же собственных рук.

Вот в роскошной собольей шубе и лисьей шапке русский поданный. Такого ни с кем не спутаешь. Дородный, с основательной бородой и добрыми глазами. Он держал в руках шпагу, объятую магическим пламенем, и ему вроде ничего не угрожало. Он был живым и ничто не предвещало скорой гибели, но Карл отчего-то был уверен, что у этого правила нет исключений. К русийцу Карл подошёл поближе, обошёл по кругу, стараясь рассмотреть каждую деталь, каждый штришок резца. Без сомнения перед ним стоял боевой маг, при чём принадлежащий к ложе Белого Единорога, только вот лицо его было Карлу незнакомо. Скорее всего русийец погиб задолго до пришествия в ложу Карла. В распахе шубы Карл углядел дорогой кафтан свободного кроя с нашитым родовым гербом князей Шермаковых. Известный род, в своё время немало сделавший на благо Руссийской империи и ложи Белого Единорога, ныне захиревший, утративший былое величие и влияние. Последний его представитель князь Ульян Шермаков был замешан в каком-то скандале (Карл никогда не следил и не запоминал великосветские сплетни) и вынужден был удалиться в родовое имение Шермаково на Волгу. Самое важное что знал про этот славный род Карл Мюнх, что пожалуй они единственные кто наследовали не только дворянство, но и магию по крови. И вот он видел перед собой вероятно одного из достопочтимых и славных прадедов скандального Ульяна Шермакова.

Карл отошёл от деревянной статуи на несколько метров и ему показалось, что русийский князь шелохнулся. Карл уже не обращал внимание на то, что все статуи пытались ему что-то нашептывать. По большей части шёпот их был не переводим, а различить время от времени можно было лишь отдельные слова. Но вероятность движущихся статуй напугала Карла, лишённого в этом таинственном городе магической силы. Ещё не хватало столкнуться с множеством оживших големов. Без магических способностей справиться с ними он не мог.

Карл шел дальше, стараясь не оглядываться и не касаться статуй. Ему казалось, что не такие уж они и деревянные. Статуи время от времени шевелились, теперь он это явственно видел. Только движения их были настолько незначительны, что вздумай они устроить на него облаву, Карл успел бы добежать до канадской границы, пока они доползли бы до соседней улицы.

А статуи всё шептали и шептали, и шёпот их становился всё более навязчивым, словно они пытались ему о чём-то сказать, о чём-то предупредить. Только вот как не пытался он разобрать их пророчества, ничего не получалось.

Карл уже догадался, что все статуи, встреченные им на пути, отображали магов, живших когда-то на Земле. И большинство магов умерли насильственной смертью, это особо не удивляло, поскольку магия во все времена использовалась не только в мирных, но и в военных

целях, а маги как и солдаты погибали часто. Но были и такие маги, что умирали в собственных постелях.

И Карл нашёл подтверждение собственной теории. Для этого он вошёл в первый же попавшийся жилой дом. Скучная обстановка комнат, словно комнаты служили лишь схематичными декорациями для разыгрываемого здесь представления, большая кровать под балдахином и ссохшийся от времени старец с остановившимся взором. Он тоже шептал и пытался о чём-то предупредить Карла, но его шёпот был также неразборчив. Для убедительности Карл дотронулся до тела старца и ощутил под рукой окрашенную деревянную статую, уложенную под настоящее одеяло.

Карл вышел из дома и побрел в сторону набережной. Он видел достаточно чтобы задуматься и слишком мало, чтобы понять, о чём пытались предупредить его живые статуи некогда живших на Земле магов.

Шаг за шагом Карл приближался к набережной. Всё больше статуй он встречал на пути. Они стояли на каждом шагу, каждая со своей историей и композицией и совсем не связанные друг с другом. Шёпот их становился всё сильнее и отчётливее, и вот он уже слышал не просто слова, но отдельные фразы.

- ... время перемен...
- ... гибель сущности...
- ... извращение естества...
- ... необратимо...
- ... необратимо...
- ... цветок изначально...
- ... гроза бесконечья...
- ... небытие для...
- ... стержень вращения...
- ... БЕДА!!!!

Речетативом, в черёд друг за другом эти фразы били рудным кайлом в разум барона Карла Мюнха, пытались предупредить, предостеречь, предотвратить неизбежное, но... голова гудела, словно растревоженный улей, перед глазами плясала карусель миров, а в ушах монотонно звенел колокольный звон.

Карл чувствовал, что ещё чуть-чуть, и он свихнётся, съедет с рельс разумности. На набережной Карл остановился. Перед ним расстилалось сказочное ласковое безмятежное море, только он не видел его. Его разум червоточинами прогрызали слова-предупреждения/предостережения/пророчества, произносимые шёпотом. Карл зажал уши, попытался их заткнуть, упал на колени и закричал.

А мёртвый, забытый всеми, находящийся в межвременье город слышал его крик, но не мог помочь. Город знал, о чём пытались сказать Карлу Мюнху деревянные скрипящие статуи, но сам не мог говорить, хотя и знал, что непонимание барона может обернуться для него гибелью, страшной и окончательной.

* * *

Карл очнулся и в первые секунды не понял, куда все исчезло, куда провалился безымянный мёртвый город, наполненный скрипящими статуями могущественных магов. Он сидел за рабочим столом, уронив обессилено голову на руки. Ярко светила настольная лампа под зелёным абажуром, освещая разложенные листы, испещренные мелким почерком, аккуратным и легко читаемым.

Перед тем как провалиться в древний город, Карл составлял отчёт для главы Департамента Тайных Дел о проведённом расследовании по делу о проворовавшемся генерал-губернаторе Заодольской губернии Александре Залесском, вот и уснул видать над бумагами.

Больше всего на свете, Карл ненавидел после исполненной миссии тщательно её конспектировать, потом ещё и составлять отдельную ведомость по потраченным средствам. Отчёты всегда выматывали его, неудивительно, что он заснул и увидел мёртвый город.

Стало быть всё что он видел было сном. И нет в реальности никакого разрушенного храма с забытыми древними богами и вольного покинутого живыми города с шепчущими и скрипящими статуями. Разум подсказывал Карлу, что так оно и есть, только вот в это отчаянно не верилось. Слишком уж реальным показался ему город, одухотворённым и пахнущим морем. И главное, что Карл не видел сон, а жил в нём. Такое с ним случалось, пожалуй, впервые.

Всё это требовалось серьёзно обдумать. Карл потянулся, зевнул, и решил, что недурно было бы выпить кружечку крепкого горячего кофе, привести мысли и чувства в порядок, да встряхнуться. Как никак отчёт нужно закончить, ведомость подытожить, ибо по утра с этими документами нужно было явиться пред светлые очи князя Мстислава Драгомысла. Карл боялся, что об отдыхе в эту ночь ему предстояло позабыть, а тут еще этот странный сон.

Карл встал из-за стола, подошёл к окну и выглянул на улицу. За окном царила чёрная владычица ночь, заявившаяся на торжественный городской бал в роскошном кружевном платье, обрамлённым гирляндой уличных фонарей.

Карл вновь зевнул и направился на кухню. Будить слуг и уж тем более друга и соратника Миконю, наставника, дядьку, приставленного старым бароном в юности к Карлу, и с тех пор верой и правдой служившего молодому барону, он совсем не желал. Если уж ему приключился недосон, то неслед и остальным мучиться.

Карлу принадлежал целый дом на Гороховой улице, доставшийся по магическому наследованию от старого барона Мюнха. В былые времена дом стоял наполовину пуст, кроме слуг здесь бывало никто годами не жил. Карл мотался по стране, выполняя поручения Тайного кабинета и Верховного Магистра ложи Белого Единорога. Ныне положение дел сильно изменилось. Карл всё так же мотался по стране, исполняя задания Департамента Тайных Дел и секретные поручения Верховной ложи Чёрного Дракона, только вот в доме теперь было кому жить. Помимо слуг и Микони Питерского, в родовом особняке Мюнхов на Гороховой улице проживала возлюбленная и жена Карла – Лора Ом, у неё были отдельные покои напротив его кабинета. В правом крыле дома жил вывезенный из Туманного Альбиона изобретатель и учёный Джон Кэмпбелл, прозванный Механикусом, здесь же находилась его Малая Лаборатория.

Сперва Механикус хотел поселиться отдельно, не осмеливался принять приглашение барона, но Карл настоял на своём. Его очень интересовали опыты и разработки почтенного Механикуса, к тому же свободное от службы время Карл полюбил проводить в Малой Лаборатории.

Поначалу Лоре не нравилось такое положение дел, она попробовала спорить, поворчать, переселить Механикусе хотя бы в пустующий дом напротив (месяц назад граф Белозеров похоронил супругу и удалился в имение, выставив дом на торги), но потом отступила. Так Карл в редкие минуты отдыха всегда находился рядом, а тут будет пропадать незнамо где. Хватит и регулярных совместных поездок в Большую Лабораторию, где был установлен телескоп, обошедшийся барону Мюнху в кругленькую сумму. Большая Лаборатория была оборудована в одном из освободившихся зданий Пулковской обсерватории.

Последним новым жителем дома на Гороховой улице был юный ученик Карла – Старх, мальчишка в одиночку добравшийся до Новой Александрии из глубокой сибирской деревеньки. Семья отказалась от него, деревенская община изгнала его, и он подался в Новую Александрию за мечтой. Правда по осени Старху предстояло поступление в Её Императорского Величества Академию Воздухоплавания. Карл не сомневался, что мальчишка поступит, ведь

он теперь носил баронскую фамилию Мюнхов, и тогда ему предстояло на два года переехать в казармы под Гатчину. Пока же за ним присматривал Миконя и губернёр месье Феоллини, выписанный по такому случаю из Италии.

Карл спустился на первый этаж и, стараясь не шуметь, прокрался в кухню. Нашёл кофейник, засыпал молотый кофе, залил его водой, развел на плите огонь и стал варить, помешивая напиток серебряной ложечкой. Когда кофе был готов, Карл вместе с кофейником и кружкой вернулся в свой кабинет. Ночь предстояла долгая и умственно напряжённая.

Налив себе первую кружку кофе, Карл достал из ящика стола трубку, набил её табаком и раскурил. Сделав две глубокие затяжки, он выпустил клубы дыма к потолку и задумчиво уставился на них, словно только что произвел гадание, а теперь пытался расшифровать результат.

Он пытался докопаться до сути, что это произошло с ним? Странный сон, наполненный символами, или он провалился в иную реальность, пытавшуюся о чём-то его предупредить. Чтобы это не было, одно Карл знал точно, сон (видение) имело глубокий смысл. И если он сумеет расшифровать символы и узнать значение этого смысла, то возможно сумеет предотвратить какую-то БЕДУ!!! Не даром часто в шёпote слышалось именно это слово.

Карл допил кофе и отложил в сторону тлеющую трубку. Притянул к себе недописанный отчёт и стал листать его. Есть ли какая-то связь между тем делом, что он расследовал на Байкале, и пророческим сном (видением)? Строчки расплывались перед глазами, даже кофе не помогал сосредоточиться. Карл налил себе вторую кружку, отхлебнул и углубился в чтение, вспоминая события собственного расследования.

Генерал-губернатор Заодольской губернии Александр Залесский привлёк внимание Финансового Департамента неоправданным перерасходом средств и полной неразберихой в финансовой отчётности. Высланный с проверкой ревизор пропал, тогда этим делом и заинтересовался Департамент Тайных Дел и вовремя. Господин Залесский на поверку оказался весьма гниленьким субчиком, и дело было вовсе не в уворованных средствах, пущенных на свои нужды. Такими пустяками Тайный кабинет не занимался. Александр Нилыч Залесский оказался наделен магическими способностями, но при этом не состоял в русской магической ложе, не принадлежал он и к зарубежным ложам. Незарегистрированный маг, да к тому же ещё и самоучка, некому его направить в нужное русло, помочь развиваться, вот и вышло как всегда. Залесский увлёкся чернокнижием, и удумал алхимическими способами создать новое психотропное оружие. Для этого он оборудовал у себя в имении лабораторию, нанял нескольких подручных из числа наименее морально чистоплотных, и стал заниматься синтезом нового оружия. А удумал он создать ручной снаряд, заряженный эманациями ужаса и боли. Для этого из каторжной тюрьмы Залесский выкрал для своих нужд нескольких каторжников, которых и запер у себя в подвалах. Там над каторжниками люди Залесского творили всевозможные пытки, а он словно изысканный парфюмер собирал получаемые эманации ужаса и боли в подходящие сосуды, чтобы потом запечатать их в ручных снарядах. Бросишь такой снаряд, или из пушки выстрелишь во вражеский полк, он от удара раскроется и вот уже целая армия без единого выстрела и жертв обращается в бегство. Очень гуманное оружие. А что для этого нужно запятать с пару сотен человек, так избрать для этого люд свирепый, грешный в невинном человеческом убиении, таких и не жалко, сами заслужили. И надо сказать генерал-губернатор Залесский очень даже преуспел в своих изысканиях, когда барон Карл Мюнх прикрыл его лавочку. Правда без жертв не обошлось. Пытаясь убить барона генерал-губернатор Залесский сам спалил себя вырвавшимся из-под контроля магическим огнём.

На этом дело оказалось закрытым. Все тетради с подробными алхимическими и магическими выкладками, описывающими опыты Залесского, были тщательным образом упакованы и уже находились в резиденции князя Драгомысла в Чёрной Роше. Как и образцы изготовленного генерал-губернатором Залесским психотропного оружия. Несчастные каторжане были отправлены назад на каторгу, правда Карл отправил в Департамент Кнута и Наказаний реко-

мендацию об изменении для них меры наказания. За время проведенное в подвалах колдуна они пострадали сверх всякой меры. Там каждый день за год можно считать.

Карл закончил отчёт, отложил его в сторону и взял трубку в зубы, раскурил ее и откинулся на спинку кресла.

Никакой связи между опытами Залесского и городом шепчущих статуй он не видел. Возможно он располагал слишком малым количеством фрагментов, чтобы получилась целая картина. Только Карл чувствовал, что дело Залесского к его сну (видению) не имеет никакого отношения. Беда в этом случае миновала, а сон предостерегал о ней. Что-то совсем ничего не вяжется.

– Батюшка барин, Карл Иеронимыч, что совсем не спится? – раздался позади тихий вкрадчивый шёпот.

Карл вздрогнул. Ему показалось на миг, что это одна из статуй из его сна незаметно подкралась к нему. Он резко обернулся и увидел, стоящего позади Миконю. Миконя спросонья выглядел неопрятно. Массивный неуклюжий, одетый в ночную сорочку, на ногах меховые тапочки. Он стоял, позевывая, и поправляя пятерней непослушные чёрные как смоль волосы. Днём то он причёсывался и прятал волосы в косу, но сейчас они торчали вверх, словно львиная грива. Попадись сей момент Миконя где-нибудь в тихом тёмном переулке навстречу купчине русийскому или офицеру, напугал бы до смертной оторопи, ничего бы не помогло.

– Ты бы поосторожнее вот так подкрадываться. Не ровен час напугаешь до икоты смертельной, что потом делать будем? – произнес Карл.

– Да уж это я могу, – не без гордости сказал Миконя. – Вот помнится вели одно дело, так старый барон...

– Потом расскажешь, – Карл поспешил оборвать нескончаемые воспоминания Микони о старом бароне. – Сам то чего не спишь?

– Так я спал, а потом гляжу колобродит барин чегой-то. Ну думаю пойду узнаю, может надо чё.

– Иди, Миконя, спать, нормально все. Я тоже ложусь. Порядок.

Карл затушил трубку, допил кофе и погасил лампу. Миконя тем временем послушался и вышел. Карл уже ложился в постель, когда вспомнил интересную фразу, нашёптанную скрипящими статуями из безымянного города «Цветок Изначалья». Загадочное сочетание. Что бы оно могло означать. Карл решил утром навести справки, с этой мыслью и заснул, не ведая какой роковой смысл несли эти слова. Знай он, что означал Цветок Изначалья, вряд ли барон Карл Мюнх смог бы уснуть в эту ночь, как, впрочем, и в последующие, но к утру память об этом стерлась.

Глава 3

Разные дома

Все дома в сущности похожи друг на друга, они состоят из основательного фундамента, четырех крепких стен, высоких этажей, разделённых между собой толстыми перекрытиями, чердака, забитого всяким хламом, и непромокаемой крыши. Но каждый дом уникален, и уникальным его делает незримая, но так до дрожи и мурашек по коже ощущаемая часть – душа. Никому не ведомо где она находится, но только лишь она настраивает гостей дома и его обитателей на верную ноту, заставляет чувствовать дыхание и сердцебиение дома. И невозможно перепутать довольный переполненный жильцами пузан-дом и давно умерший разрушающийся скелет некогда живого здания или погрузившийся в коматозный сон покинутый всеми особняк, но не потерявший надежду на возвращение к жизни. Душа дома накладывается на каждый клочок его тела, заполняет и воспитывает его жильцов и гостей.

Все дома похожи друг на друга и все же разные. Деревенский дом подобен пчелиному улью. Он все время полон людских голосов, а сам молчун. Он созерцатель, в чем-то даже немного философ, он наслаждается каждым прожитым днем и каждым человеком, хоть раз вступившим на его порог. Подобно чудаковатому коллекционеру он собирает людские образы и бережно хранит на дне своей души. Здесь продолжают жить все те, кому посчастливилось пребывать в его стенах. Маленькие дети, ранимые и трогательные, открытые всему новому, умеющие удивляться и не познавшие ещё горький вкус разочарования.

Сколько их прошло сквозь старый добрый улей-дом. Ни одно поколение сменилось, ни одно поколение закончило здесь свой жизненный путь в окружении новой поросли. Детский смех спасительное лекарство для старого дома. Дом живет лишь тогда пока в его стенах звучит детский смех. И, можно сказать, что дом продолжает жить, пока помнит как звучал детский смех. Как только им овладевает забытье, он засыхает подобно старому дереву.

Старый деревенский дом подобен всем старикам. В нем есть что-то от замшелого пня и от раскошейся кресла-качалки. Он встречает каждый восход и провожает каждый закат, гадая удастся ли ему поздороваться с солнцем в следующий раз. А между восходом и закатом он предается воспоминаниям.

Деревенский дом не любит суеты и гама, весь свой долгий век он проживает неторопливо наслаждаясь каждым днем. Он живет бок о бок с трудолюбивыми людьми, встающими ни свет ни заря, весь день подобно пчелкам не покладая рук трудящимися и засыпающими тогда, когда солнечный диск давно уже утонул в ледяном океане. Тысячи дел проворачиваются за день, горят в руках, но все без спешки, все неторопливо, но толково и старательно. Что бы ни сделал крестьянин, все на загляденье, одно к другому. А спешка лишь губит хорошее дело. Не даром старики любят поговаривать: «поспешешь, людей насмешишь».

Другое дело городские дома. Они при всей своей похожести, все-таки сильно разнятся. Спальные многоквартирки – этикие разбитные разночинцы, наполненные разным людом. Кто по делу в город приехал, да на пару ночей остановился, пока все не утрясет, не разъяснит, не обговорит, да не договорится. А кто учиться приехал, да опять же в мебелирашках остановился. Бывали же и такие, кто приехал на учебу, да так и остался в вечных, правда стареющих студентах. А кому и вовсе жить негде. Семья выгнала или сам ушел куда глаза глядят, да дорога путь держит. Вот и мыкаются по чужим углам.

Такой дом многоквартирный дёрганый живчик, ветреного без царя в голове характера. И память у него короткая. Никого из своих жильцов он не помнит, разве что тех кто память о себе нехорошую кровавую оставил.

Вон в 36 номере гражданочка повесилась по осени. Молодая барышня была, в услужении у старой госпожи, каждое утро к ней на службу бегала. Поговаривают амурь закрутила с

нехорошим человеком, да тот ей подарочек то и сделал, живот раздул, а потом и бросил. Она же с горя в петлю и подалась.

Или вот семь лет назад в 13 номере молодой господин из провинциального городка пулю в лоб пустил, проигравшись в пух и прах, до дырявого кармана. Злые языки чесали, что юный господин не только деньги проиграл, но и имение три раза разным лицам позакладывал. Чтобы все долги раздать, ему пришлось бы лет триста ни есть ни пить, днями напролет работать, даже на подышать времени не оставалось бы. Вот и пулю пустил в лоб. Пуля то та до сих пор где-то в стене 13 номера сидела под тремя слоями цветастых обоев.

Таких людей дом помнил, но очень смутно, словно причудливую тень на холсте в театре теней. И то больше с досадой помнил, как нечто назойливое, обгадившее и в конец испортившее все настроение.

Другое дело солидные дома особняки, где проживали серьезные семейства с традициями, жизненным укладом и прочими атрибутами устоявшейся жизни. Солидные трех и четырехэтажные дома жили в окружении парков, вели неторопливый образ жизни, и чувствовали себя истинными аристократами. Десятки слуг поддерживали в особняке порядок, заботились о его благополучии, но в то же время были незримы, словно призраки, прячущиеся в дальних комнатах. В таких домах бок о бок жили несколько поколений славного рода, помогая друг другу, а иногда и враждуя друг с другом. Сколько козней и интриг кипит внутри одного семейства. Старики, взрослые и дети разных ветвей одного дерева сплетены в тугую клубок, что порой копейную проблему и не разрешить, слишком все запутано и повязано. Дом внутри которого кипят великосветские страсти сам подобен ревнивому мавру. Он спокоен и хладнокровен, пока внутри него царит мир, и наполняется слепой яростью, когда в его стенах происходит очередная семейная свара.

Дом-аристократ помнит каждого человека, проживавшего некогда в его стенах, но помнит он по-особому. Не отдельный образ или события, он помнит человека одновременно шумным и игривым ребенком, так часто раздражавшим дом-аристократ, смущавшим его покой и степенность, помнит воинственным подростком, для которого весь окружающий мир это арена для битв и свершений, помнит серьезного и вдумчивого человека, озаботившегося созданием своей семьи, заботами о благе рода, помнит и стареющий образ, размышляющий уже о своем месте под солнцем, о своем вкладе в общую копилку рода, помнит и старика, доживающего свой век с альбомами выцветших фотографий на коленях, пленкой семейного кино-архива в проекторе, ностальгическими воспоминаниями на веранде за кружкой горячего чая, которой он греет свои скрюченные озябший пальцы. Дом-аристократ помнит и тот след, что оставил уже давно умерший человек в наследственной памяти рода. Дом-аристократ подобен национальной библиотеке, только вместо книг на его полках стоят давно прожитые судьбы родных людей.

Иногда раньше проживавший в стенах дома род чахнет, вянет и умирает, и на его место вселяется новое семейство, и дом преобразается, обновляется, сбрасывает с себя груз прожитых лет, распрямляет грудь, благодаря капитальному ремонту, и начинает жизнь заново, только память о прежних жильцах все равно остается.

Старх помнил о своем доме-улье, оставленном казалось уже целую вечность назад в далеких сибирских лесах. Не по своей воле оставил он дом, а был изгнан из деревни испуганными соседями, взятыми за горло стаей оборотней. И всего вина то состояла его в том, что он, защищая жизнь свою и оберегая друга, убил одного из оборотней, правда и здоровьем своим за это поплатился.

Давно уже он покинул родную деревню, но все еще помнил тепло горячей печки, защищавший крестьянский дом от сварливого духа Малахая Зимы, так и норотившего пробраться в дом, да заморозить всех до смерти лютой. Помнил он тепло отцовской скупой улыбки и жар его

шершавых, грубых рук. Помнил мамин зычный звучный смех, и ее солнечные слова, наполненные любовью, помнил мамкины горячие блины с пылу с жару по утрам, сестер помнил, да братьев старших Никишку и Серегея, помнил и друга закадыку Михея, с зёрнышком зарождающейся смертельной болезни, которую Старх должен подловить и выгнать взащей из жизни друга. А еще помнил Старх величественные воздушные корабли, однажды проплывшие над окраиной их деревни и пробудившие в душе мальчика казавшуюся недостижимой мечту.

Помнил он и шумные суетливые дома-разночинцы с меблированными комнатами. Дом-гостиницу в городке Молчанове, куда он вышел из сибирских лесов, изгнанный из отчего дома. В гостинице его поселил купец «золотой пояс» Андр Кожух, пожалевший мальчишку вынужденного сироту. Купец, направлявшийся в Невскую Александрию, решил взять паренька в ученики, и Старх последовал за ним.

Помнил Старх и многоквартирный дом на окраине Александрии, где остановился купец Кожух. Только вот воспоминания об этом доме были очень вязкими и горячечными. По прибытии в Александрию Старх заболел, поднялся жар, несколько дней он пролежал в бреду и в одиночестве. Купец приходил лишь под вечер усталый, еле держащийся на ногах после проведенного в торговле дня. А однажды Андр Кожух не вернулся к Старху, не пришел он и на следующий день, только заявили его сослуживцы с горестными лицами, нервно комкающие шапки в руках. Старх только выкарабкавшийся из горячки услышал, что купец Кожух был убит вчера вечером по дороге домой, и остался Старх вновь один. Другие купцы из обоза Кожуха скинулись и всучили ему пачку денег, чтобы парень горя не знал, а с умом так и жизнь свою обеспечил, и никто из них не захотел взять Старха с собой. У каждого семья, дети, это только Кожух бездетным ходил. Деньги кончились быстро, мебелирашка и ее обитатели-тараканы-воры-мошенники-гнушь александрийского дна высосали все деньги из кармана Старха до последнего медяка. Тогда он и подался по кабакам, да трактирам фокусы магические показывать, благо магический огонь кипел в нем, не находя выхода. Так он оказался в «Пиратской слободе», где его заметил барон Карл Мюнх и предложил взять в ученики.

И Старх поселился в новом для себя доме, не похожем ни на один виденный ранее. Этот дом был истинным аристократом, гордым своим происхождением, но в то же время он был наполнен словно бы каким-то мистическим туманом, внутри которого водились сказочные существа и творилось черти что.

Дом-чародей.

Дом-волшебник, сотканный из магической ткани.

Здесь все казалось таинственным и загадочным. Переступая порог особняка барона Мюнха, Старх оказывался в царстве сновидений, в иной реальности, где с ним могло произойти все что угодно.

Первые месяцы в доме барона Старх осматривался, осваивался, боялся и слова лишнего сказать. Как же... кто он, а кто барон Мюнх. Разные люди, разные уровни. Первое время он его пугался. Его смущал этот суровый вечно смурной мужчина с окладистой бородкой, правда большей частью пропадавший вне дома. Старх не понимал зачем его взяли в дом. Пригласили в ученики, а сами и внимания не обращают, словно он место пустое, противное. Потом попрыгивал. А вскоре барон Мюнх и его помощник Миконя уехали на курорт, в Баден-Баден, здоровье править. Пока их не было за мальчиком присматривала Лора Ом, близкий друг Карла Мюнха.

В особняке Мюнха у Старха была своя комната. Хотя слово комната к этим просторным хоромам плохо подходило. По размерам нынешняя комната Старха превосходила весь отчий дом в сибирской глуши, где жили его папа и мама. К таким роскошествам Старх не привык. В комнате стояла большая кровать, письменный стол со стулом и лампой над столом. Книжный шкаф, заставленный разнообразными книгами. Одна беда – читал Старх худо бедно, с ать на ять перебиваясь. Миконя сказал, что это не беда, грамоте в гимназии обучат.

Целыми днями Старх пропадал в своей комнате. С любопытством листая книги, пытаюсь читать непослушные строчки, разбирая незнакомые слова, ища подсказки в цветных и черных картинках. На улицу Старх и не выходил. Город снаружи пугал его своей необычностью, населенностью.

Вскоре барон и его помощник вернулись, тут то и начались тяжелые дни ученичества.

Как-то так само собой получилось, что за Стархом пригляд взял Миконя из рода Питерских. Он повсюду сопровождал Старха, следил за ним, ворчал по поводу и без, учил уму-разуму. Большую часть времени Старх не видел барона Карла Мюнха. Тот все время отсутствовал, ездил по делам, либо принимал посетителей в своем кабинете на верхнем этаже. В такие часы нужно было вести себя очень тихо, словно в доме никого и нет больше, кроме хозяйина. Правда Старх подозревал, что барону равно как и его посетителям все равно какой шум будет стоять вокруг. Это Старха Миконя воспитывал, чтобы порядок знал.

Три раза в неделю Старх поднимался в кабинет к барону. В такие минуты у него сердце в пятки уходило и затихало, чтобы стуком не выдать свое местонахождение. Первые несколько недель Старх просиживал в резном деревянном кресле темного дерева с мягкими красными подушками (в нём Старх чувствовал себя королем), барон же казалось не замечал мальчишку. Нередко Старх засыпал. И все же он верил, что его визиты не были бессмысленными. Что-то происходило, пока он бездейтельно просиживал штаны в кресле, только вот что... Старх никак в толк взять не мог.

Однажды поднявшись в кабинет барона в урочное время Старх расположился в кресле, привычно поджав ноги под себя, и был удивлен, когда барон заговорил с ним. В тот день они провели за беседой несколько часов. Карл хотел узнать о нем все. Только вот беседа у них получилась причудливая. Карл сначала говорил, а потом предложил Старху прислушаться к его внутренней речи. Но вот как Старх не пробовал, не старался, ничего у него не получилось. Тогда они продолжили беседовать. И с тех пор когда Старх приходил к барону они пробовали говорить мысленно, тренировали внимательность, как выразился сам барон. Так продолжалось достаточно долго. Несколько месяцев, прежде чем барон привнес в их уроки что-то новое...

И все это время Старх не мог поверить своему счастью. Один из героев детских сказок и рассказов бабки Агриппины, о ком она говорила с почтительным придыханием, сидел перед ним и интересовался его житьем-бытьем. Почему из племени выгнали и как он сумел оборотня победить? И Старх не без гордости ведал о том, как в душе его пламя рождалось и этим пламенем он смог спалить злого оборотня. Однажды Старх упомянул, что мечтает летать на воздушных кораблях, и барон пообещал отдать его в школу гардемарин, только сперва ему нужно пройти общий курс гимназии. Чтобы летать нужно быть образованным.

По осени Старх пошел в гимназию. Первое время на учебу отвозил его Миконя в крытом экипаже с лошадаками. Паромобиль Старх видел в гараже барона, но никогда не ездил на нем, хотя пару раз на улицах наблюдал как они движутся. Но потом сам стал пешком в гимназию ходить, благо что не далеко.

В гимназии он сперва людей сторонился, а потом все же сдружился с двумя мальчишками – Радимом, сыном купеческим, и Дамиром, сыном государственного служащего из Департамента Здравоохранение и Миропорядка. Не смотря на то, что Старх считался наследником барона Мюнха, но все же не по родству крови, а по магической линии, потому и в гимназию дворянскую ему путь заказан. Вот и ходил он в гимназию для разночинцев, где купеческий сын сидел за одной партой с татарчонком. С Радимом и Дамиром Старх познакомился в первый день, но прошел стороной, не проявив интереса, да и они им не очень-то заинтересовались. Иж лоб какой великовозрастный, а ни черта не знает, не умеет, грамоту с буквы на букву спотыкаясь осиливает. Понятное дело, что Старх для них не представлял интереса. Пока Старх на первых шагах обучения буксовал, они уже проходили третью ступень. Но познакомил их пренеприятный случай.

После уроков Старх спешил домой, сегодня были занятия с бароном, и мальчишку мучило любопытство, что нового придумает учитель. В прошлый раз он завязал мальчику глаза и попросил представить, будто он висит в пустоте, не имеющей ни дна, ни потолка, ни стен, ни цвета, ничего. Когда же Старх выполнил упражнение, барона стал командовать, заставляя его выполнять то одно то другое мысленное задание. Получилось весьма любопытно.

Сперва Старх пробежал мимо, не обратив внимание на группу возбужденных старшеклассников, собравшихся в дальнем углу гимназии, потом ему показалось, что он увидел что-то до ужаса знакомое, а именно затылок Дамира, который он наблюдал перед собой на каждом уроке. Старх вернулся.

Старшекласники толкали Дамира из стороны в сторону, прикрывая спинами от взглядов любопытствующих, и, гогоча, приговаривали:

– Чё, татарчонок, морда чумазая, ну давай будь мужчиной...

Старх остановился, скинул с плеч ранец, насупился, чувствуя, как к голове прилила гневная кровь, и тихо так, неразличимо произнес:

– Отпустили.

Его услышали. Толкания и пихания прекратились. Старшекласники медленно обернулись, смерили Старха взглядами, кто это тут посмел им указывать, что им делать, а что нет, и расхохотались, увидев худенького паренька с решительным взглядом и блестящими глазами.

– Слышь, Ванек, это кто тут раскрыл хлебало, может накидаем ему туда блинков кровавых?

– Да отчего ж не накидать, когда сам и просит.

Перекинулись ничего не значащими угрозами пацаны. Они были готовы уже приступить к исполнению своих угроз, но что-то останавливало их, быть может огонь который они увидели в глазах Старха.

– Ладна, Ванек, пойдем, еще опоздаем на занятия. Стопкинпалыч нам вкатает розог по самое не могу, – потянул за куртку один из пацанов другого, по всей видимости самого главного.

Старх испытал приступ разочарования. Он готов был применить одно из упражнения барона Мюнха на деле, то самое с пустым пространством где нет ни верха ни низа, ни цвета, ни звука, ни запаха. Барон Мюнх на последнем занятии объяснял Старху, что это упражнение позволяет научиться создавать иллюзии. В мире где нет ничего, проще создать любое наваждение, и заставить его увидеть окружающих людей. Старх уже готов был создать иллюзию горящего человека и напугать ею хулиганов, но не потребовалось. Они ретировались сами.

Помятый Дамир смущенно стоял на месте, переминаясь с ноги на ногу, пытаясь оправить задранную рубашку.

– Спасибо, – произнес он, улыбнулся, показав дырку между зубами, и спросил: – Хочешь я тебе покажу странного Глазастого Шляпника?

Глава 4

Бедная Майя

Утро не предвещало неприятностей.

Карл забыл о непонятном и тревожном городе скрипящих статуй, с головой уйдя в подготовку и проведение занятий со своим учеником. Старх все больше нравился ему. И как он сам без подсказки не разглядел за хрупкой оболочкой симпатичного русоволосого паренька нереализованную, не распакованную силу. Словно тринадцатилетнему мальчишке прислали с почтовой каретой тяжелую посылку, а он задвинул её в самый дальний угол, и благополучно о ней забыл. Если удастся распаковать эту посылку, этот глубоко спрятанный магический дар мальчика, из него выйдет очень сильный маг. Так думал Карл. Одна беда дар упорно не хотел раскрываться в полную силу, не смотря на все его усилия. Хотя конечно рано еще было сдаваться и сушить по ветру белые флаги, но результаты были весьма скудными.

На первых занятиях Карл просил мальчика просто сидеть, ничего не делать. Старх не понимал задания, забирался на кресло и с любопытством разглядывал святая святых мага, его кабинет, его логово. Старх представлял магов сказочными существами и, судя по скучной гримаске на лице, он явно был разочарован. Пока же мальчишка откровенно скучал, Карл вглядывался в него, изучал, просвечивал «истинным зрением», разглядывая дар ученика, подбирая к нему ключик, особую методу воспитания. Потом он попробовал нехитрое упражнение, озадачив мальчонку ещё одним простеньким заданием для тренировки ума. Ему было интересно наблюдать за тем, как Старх старается выполнить его задание, как пробует нащупать свой дар, но путается в хитросплетениях своей души.

Любая человеческая душа подобна запутанным сетям, какую бы нить ты не потянул ты все больше ее запутываешь. Вот и Старх брался с разных сторон, подступал, пробовал аккуратно дотянуться до яркого солнца, горевшего внутри него, но пока у него это получалось очень плохо.

Карл сразу увидел, что мальчик обращается к своему дару и черпает из него полной горстью силы только в момент большой опасности или испуга. В мирное время он был способен разве что на тихое мирное волшебство, вроде тех простеньких фокусов, которыми он развлекал посетителей «Пиратской слободы».

Утро не предвещало неприятностей.

Карл как раз обдумывал предстоящее занятие со Стархом, когда почувствовал магический зов. Ошибки быть не могло, почерк указывал на то, что его искал непосредственный начальник и бывший учитель князь Драгомысл.

Карл мог бы спрятаться, закрыться от зова, применить «Покрывало Дракона», одно из коронных заклинаний Верховной Ложи Черного Дракона, тогда и сам князь Драгомысл, Верховный Маг Белого Единорога не смог бы его найти. «Покрывало Дракона» надежно укрывало его владельца от любого дружелюбного или враждебного поиска со стороны. Никто не мог проникнуть под «Покрывало», правда Карл подозревал что одному магу это бы удалось. Карл мог бы скрыться, но не стал. Он вышел на контакт и тут же почувствовал волнение старого учителя.

Князь Драгомысл вызывал барона Мюнха в бывший особняк графов Корочаевых, где находилась резиденция Тайного кабинета. Это вдвойне настораживало, поскольку князь Драгомысл весьма неохотно покидал свою усадьбу на Елагином острове, и Карл не представлял что должно было произойти, чтобы князь нарушил свои принципы.

Карл не успел ответить на предложение князя, как связь оборвалась. Значит, его согласие даже не требовалось. Он, конечно, числился в Тайном кабинете чиновником по особым поручениям, но все же не обязан был каждый день приходить на службу штаны протирать. Его вызывали только в особо интересных и сложных историях, и он все же надеялся, что после

очередного задания ему дадут немного отдохнуть, да посвятить время частной практике, которой он перебивался первое время после изгнания из Ложи Белого Единорога и практически заброшенной в последние месяцы.

Но делать нечего, надо отправляться на службу.

Карл с сожалением отложил в сторону свои записи с магическими формулами и заметками по предстоящему курсу обучения Старха, и поднял трубку магфона, чтобы вызвать Миконю.

– Слушаю, батюшка барин. Какие распоряжения будут? – тут же зазвучал в трубке его зычный голос.

Магофоны были установлены только в двух комнатах дома. На столе у барона и в покоях Микони, только для того чтобы Карл мог в любой момент позвать его. К сожалению, тот неспособен был слышать магический вызов, хоть малая капелька магического дара и спала в нем, но так давно и глубоко спала, что разбудить ее уже было невозможно.

– Мне нужен экипаж для поездки на службу.

– Будет сделано, Карл Иеронимыч, в лучшем виде. Что что-то запротухло в наших палестинах, что такая спешка рано поутру заприметилась? – любопытствовал Миконя.

– Это мне и предстоит узнать. И если ты поторопишься, я узнаю это быстро, – коротко отрезал Карл.

– Не извольте беспокоиться. Одна нога здесь, другая уже в карете. Спускайтесь, батюшка барин, я жду вас на конюшне... тьфу ты, пропасть волчья, каждый раз забываю, что говорить надобно в гараже.

Связь оборвалась.

Карл поднялся из-за стола и вышел в гардеробную. Там он облачился в белую накрахмаленную рубашку с пышными длинными рукавами, форменный белый сюртук, повязал на шею чёрный галстук и надел поверх красный длиннополый мундир с меховым воротником, пышными золотыми погонами и золотыми пуговицами с изображением герба Российской империи – двуглавого орла. Снял со стены фамильную шпагу в ножнах семейства Мюнхов и повесил ее на пояс. Эту шпагу он всегда надевал для выхода в свет. Рядом на стене висела любимая боевая шпага, сопровождавшая его в экспедициях и походах. Сняв с вешалки черную широкополую шляпу с большим золотым двуглавым орлом по центру тульи, он осторожно надел ее на голову, посмотрел в зеркало и поправил, чтобы сидела ровно. В целом он остался доволен своим видом.

Барон Карл Мюнх был серьезным немного смурным мужчиной со строгими резко очерченными чертами лица. Густые насупленные брови сходились на переносице и нависали над лбом двумя ярко выраженными лавинами тревоги. Темно зеленые глаза океаны спокойствия и уверенности даже тогда, когда вокруг мир сходил с ума и катился сизифовым камнем в преисподнюю. Аккуратная жесткая бородка вокруг рта подчеркивала мужественность барона, а редкие седые волосы в ней напоминали о тех испытаниях, через которые ему пришлось пройти.

Карл чувствовал, что ему чего-то не достает. Сперва он не хотел, но затем все же добавил револьвер, убрав его во внутренний карман мундира. Мало ли что с ним могло приключиться по дороге.

Карл по черной винтовой лестнице спустился прямо в гараж, где его уже дожидался Миконя за рулем паромобиля «Ньютон» улучшенной конструкции. Двигатель машины питала не паровая энергия, а магическая, заключенная в кристалле, установленном под капотом рядом с мотором. Удобная немного угловатая коляска чёрного цвета с большими колесами, отдельной кабиной для водителя и салоном для пассажиров на четыре персоны, кресла как и в карете были расположены друг напротив друга.

Карл забрался на пассажирское место, Миконя выехал в открытые ворота, притормозил и бросился закрывать ворота. Пока он бегал, Карл послал зов Лоре, предупредил ее что выехал

на службу, и чтобы она не беспокоилась. Как только он разберется с вызовом, так сразу же свяжется с ней, попросил присмотреть за Стархом пока его не будет. Лора совсем согласилась и ничуть не взволновалась, она привыкла к вызовам Карла, все-таки сама служила на государственной службе, в Департаменте Контрразведки.

Экипаж «Ньютона» выехал на улицу, свернул по Гороховой в сторону площади Горьких Вод и быстро набрал скорость.

Резиденция Тайного Кабинета находилась в здании Департамента Контрразведки и занимала весь четвертый этаж, только вход в Тайный Кабинет был отдельный, а так можно было бы сказать, что Карл с Лорой служит вместе.

Миконя остановил «Ньютон» возле парадного входа в присутствие и бросился было открывать дверцу для барона. Карл остановил его взмахом руки. Давно пытался отучить его от всех этих изысков, но никак не получалось. Все-таки сказывалась старая закалка.

– Оставайся здесь и жди меня. Мало ли что, – распорядился Карл.

– Как считаешь, батюшка барин, чего они от тебя хотят то?

– Кто их знает, но боюсь, что дело тут совсем нечистое. Очень уж у меня предчувствия невеселые.

– Опять дальняя дорога предстоит? Дали бы уж передохнуть что ли. Совсем недавно из командировки дальней и опять в путь. Ну совсем не жалеет тебя князюшка Мстислав. Совсем не жалеет. Не догадывался я, что такой он де злопамятный. Ах ошибался в человеке, серьезно ошибался. Негоже так ценных и важных государственных мужей гонять по нашей чересполосице из одной губернии в другую.

– Ты мне тут поговори еще. Вот не возьму тебя в новую поездку и все. Оставлю за домом присматривать и за Стархом.

– Да куда уж вы без меня? – распереживался Миконя. – Да и Старха можно с собой взять. Он же все-таки у вас в учениках ходит, так пусть и учится в полях, на деле стало быть.

– Рановато ему в поля выезжать. Мал еще. Мы в такую опасность можем вляпаться, сами то выберемся, не в первой, а мальчику на поле боя не место. Научиться малость чему, навыки приобретет, поймет как дар свой пользоваться, тогда и станет с нами ездить. Ну все хватит разговоров. Я пошел. Жди.

Карл выбрался из экипажа, хлопнул дверцей и вошел в подъезд красного четырехэтажного особняка с белыми колоннами и высокими стрельчатыми окнами. Двое караульных в форме гвардейского Архангельского полка при виде барона вытянулись во фронт и отдали честь. Карл кивнул им и прошел мимо.

Здесь его хорошо знали, уважали, искали общения, но он всегда проходил мимо. Ни с кем из Тайного кабинета он не водил близких знакомств, а уж тем более дружбы, после того как от него отвернулся учитель и изгнал его из ложи Белого Единорога, Карл старался держать сослуживцев на расстоянии, четко разграничив две стороны своей жизни: «дружба – дружбой, служба – службой».

Князь Драгомысл ждал его в своем кабинете, прозванным Зеленым за темно-зеленую драпировку стен. Он сидел в кресле, повернувшись к окну, и смотрел на запруженную транспортом Слободскую площадь, залитую не по осеннему ярким солнцем.

– Слышу тебя, Карл. Слышу. Проходи. Садись. Разговор интересный намечается. Очень важный. И ответственный. Такой что другому я это поручить не могу.

Карл сел напротив письменного стола из мореного дуба, заложил ногу на ногу и выжидательно уставился на прямую спину князя. Драгомысл не заставил себя долго ждать. Он медленно повернулся вместе с креслом и с прищуром и хитринкой воззрился на бывшего ученика.

После изгнания из ложи Карл редко общался с князем. Тот предпочитал держать дистанцию и всю информацию передавал через посредников, чаще всего через своего камердинера

Ивана Кожедуба, который приезжал в Тайный кабинет, или в особняк барона Мюнха на Гороховую, либо через магофон, но никогда князь не вызывал барона магическим зовом.

Князь Драгомысл ничуть не изменился с их последней встречи. Все такое же открытое приветливое лицо с острым хищным носом, большими глазами цвета крепкого чая, копной льняных волос, не тронутых не смотря на солидный возраст сединой, густой окладистой бородой, внутри которой всегда жила улыбка. Только в последнюю их встречу эти глаза полыхали огнем, а борода гневно топорщилась, извергая злые слова. Теперь же все изменилось, князь Драгомысл был прежним ласковым мудрым учителем, только Карл больше не верил ни в его доброту ни в его мудрость.

– Как тебе служится, Карл? Слышал что в последнее время у тебя сплошные успехи по службе.

Князь потянулся к папке с бумагами, лежащими на столе. Открыл ее, неторопливо пролистал, словно вспоминая о чем-то.

– Три громких дела за последние полгода. Серьезные достижения. Одно дело генерал-губернатора Залесского чего стоит. И ведь вот же шельма упустили его, не заметили за ним никакого дара, а он пригрелся на груди родины, да потихоньку силы свои копил, да развивал. И ведь страшно подумать, что произошло бы если бы он свой кошмароскоп собрал, да наладил. Ладно бы он в наши руки попал, беда одна, но если бы он в чужие руки угодил, к тем же туркам, Караморгулу, беда считай другая. Потрудились ты на славу, Карл. Нечего сказать. Даже жалко стало, что такой человек, такой маг оказался не среди Единорогов. Но так сложилась судьба, и не стоит поминать старое. Понимаю, что досталось тебе в последнее время, но дело у меня есть одно очень важное. Никому не могу его доверить. Только на тебя надежда.

Карл внимательно слушал князя, ожидая, когда он закончит расшаркиваться, а перейдет к делу.

– Беда случилась, страшная и непонятная. Беда на окраине, беда как бы с краю, и ее никто бы не заметил, не обратил внимания, если бы не несколько обстоятельств. В эту историю оказался замешан очень важный для империи человек, профессор медицины, светило нашей науки, Пётр Сергеевич Свешников. С другой стороны подобного происшествия, можно сказать воняющего грязной магией за многие версты, еще нам не встречалось, явление не изученного порядка.

Карл не отвечал, чувствовал, что князь испытывает его, кружит над добычей, словно хищный коршун, ждет, когда барон не выдержит и начнет расспрашивать, словно юнец на первом задании. Но барона хранил каменное молчание.

Князь сдался, тяжело вздохнул и приступил к сути.

– Убита девушка, дочь профессора Свешникова. Вернее выглядит это как естественная смерть, но слишком уж все дурно пахнет. Девушка умерла в своей постели от сердечного приступа. Чем вызван приступ у шестнадцатилетней девицы, никогда ни на что не жалующейся, пока неясно. Похоже, именно это тебе и предстоит выяснить. В этой смерти очень много странного. Сразу же как только профессор Свешников нашел свою дочь Майю и заявил об этом в жандармерию, нам поступил вызов. На место был отправлен один из наших агентов. Только мы не придали этому событию должного внимания. В результате агент заблудился в следах, и боюсь что все запутал. Нам известно очень мало, но вот те крохи. Девушку нашли лишь к обеду. Она не вышла к завтраку и это никого не встревожило. Майя любила поспать. К тому же в воскресный день Свешниковы позволяли ей побыть подольше в постели. Но когда она не пришла на обед, тут уже встревожились все. Сперва поднялась нянюшка, Александра Васильевна, все ее зовут тетка Саша. Она пыталась достучаться и докричаться до девочки, но никто не отвечал. Тогда она и подняла панику, собралось все семейство Свешниковых. Братишка Майи сбегал за дворником Никодимом, который и вскрыл дверь при помощи топора. Получилась следующая картина. Девушка лежала на кровати в полуобнаженном виде, а вокруг ее

постели стояли три каменные статуи, отображающие мужчин, как бы в весьма нескромном возбужденном состоянии. Девушка выглядела весьма и весьма жалостливо. Плохо она выглядела. Бедная матушка в обморок грохнулась, только к вечеру и пришла в себя. Майя была вся белая и худая, словно она недоедала и недопивала последние полгода, да света белого не видела. Работавший на месте преступления наш агент показал, что такое состояние умершей девушки следствие магического воздействия, только вот разобраться в том, что именно произошло в той комнате, он не смог.

– Почему я? – спросил барон.

– Потому что дело тут деликатное, и все должно пройти без сучка и без задоринки. Профессор Свешников убит горем и жаждет возмездия. Он не верит в то, что его дочь умерла естественным образом. Он убежден в обратном. Кто-то или что-то довело ее до сердечного приступа.

– Почему он так в этом убежден?

– Все происходило у него на глазах, только он не обратил на это внимание, за что сейчас себя и казнит. Свешников рассказывал, что в последнее время его дочь сильно изменилась. Она стала неожиданно худеть, все время ходила погруженной в себя, появились круги под глазами. Свешников пару раз пытался с ней поговорить, но Майя уходила от разговоров, тогда он посчитал, что все дело во влюбленности, юная пора и прочая поэтическая чепуха. Теперь же он уверен, что все это время его дочь переживала глубокие душевные муки, а он остался глух к ее страданиям.

– Насколько продвинулось официальное следствие? – спросил Карл.

Пока что он оставался холоден к заданию, не прочувствовал его, не проникся. Смерть всегда неприятная штука, в особенности когда умирает невинное юное создание, но почему этим делом должен заниматься Тайный Кабинет. Отправить кого-нибудь из местного отделения ложи Белого Единорога, пусть потопчет землю, может и удастся узнать что-нибудь полезное. Хотя если рядовой следователь Тайного Кабинета оказался бессилем, вряд ли от провинциального мага будет какой-нибудь толк.

– Жандармы топчутся на месте. Они полны уверенности, что девочка сама представилась и нечего божий дар с редькой путать. Если бы не фигура профессора Свешникова, шутка ли сказать пользовал когда-то светлейшего князя Родиона, давно бы дело закрыли, да тело бы предали земле. А тут еще наш чиновник как топор на голову. Суетятся. Изображают ретивое, да все пусто, словно дырки у них в головах. Ни на что не способны.

– Установлено что это за статуи и как они оказались в комнате девушки? Вряд ли их там поставили родители усопшей в качестве элементов интерьера, – спросил Карл.

– А это как раз самое интересное. Эти три статуи и не статуи вовсе, а окаменевшие живые люди. Пашка Шустрый, Леха Кабан и Мирон Головастый, известные в округе ребята. Хулиганы и уголовщина. Только вот жандармам никак не удавалось их посадить под надежный замок. И вот вроде дебоширят, учинят что-нибудь гнусное, ограбят пьяного купчишку, дворянчика мелкого заезжего в проруби купнут, так что он потом и бумажник свой не найдет и шубу дорогую потеряет, а им все нипочем. И вроде знают, что их рук дело, да только доказательств никаких.

– Похоже они доигрались. А каким образом эта босота оказалась в спальне дочки Свешникова и что интереснее как они окаменели? – спросил Карл.

Становилось все любопытнее и любопытнее.

– Это пока выяснить не удалось. Нашлись свидетели которые видели эту троицу в кабаке в соседнем городке Горлове. Они просидели в питейном заведении до полуночи. Рядом с ними крутился какой-то незнакомый типчик. Только вот никто его толком вспомнить не может, и описать. Потом они все вместе ушли в неизвестном направлении. А вот со статуями еще более загадочнее выходит. Материал из которого они созданы только внешне напоминает камень. По-

настоящему он органического происхождения. Плоть это людская только вот такое ощущение что тела пролежали в вечной мерзлоте лет этак с тысячу.

– Кто-нибудь в доме слышал какие-нибудь подозрительные звуки? Что-нибудь необычное? – поинтересовался Карл.

– Все спали беспробудным сном. Такое ощущение, что сон был наведенным, магическим. Наш человек определил отголоски чужого колдовства в саду под окнами девушки.

– Уж не тот ли это типчик неприметный из горловского трактира? – высказал предположение Карл.

– Быть может. В этом и во всем остальном тебе и придется разобраться, Карл, – произнес князь Драгомысл. – Отправляешься немедленно. Все необходимые документы в этом конверте.

Князь протянул барону увесистый подорожный конверт, запечатанный сургучом.

– Деньги получишь у казначея. Постарайся разобраться. И поделикатнее с этим Свешниковым, он отец как-никак. Да и фигура влиятельная.

Карл поднялся, коротко поклонился и покинул кабинет князя Драгомысла.

Карл и не догадывался, что смерть Майи всего лишь первое звено в цепи странных событий, ведущих к катастрофе.

Глава 5

Однажды в Венеции...

Ударил большой медный гонг, возвещая о прибытии колесного экипажа. И дребезжащий звук прокатился над погружающимся в вечерние сумерки Замковым островом, соединенным со свободной землей широким подъемным мостом и сотней цепей, лежащих на дне Кольцевого канала. Служители в чёрных балахонах, подпоясанные кожаными ремнями с кинжалами в ножнах с одной стороны и револьверами в кобурах на другом боку, устремились к воротам и запустили подъемный механизм. На их широких спинах красовалась Морская Гидра, заключённая в круг света, а голову скрывали тряпичные маски с прорезями для глаз и носов, увенчанные простенькими красными беретами. Замковая стража знала свое дело. Вскоре ворота опустились и роскошная карета, запряженная парой лошадей под красными балдахинами, расшитыми золотом с перьевыми хохолками, вкатилась в замок, прогромыкала по черному бульжнику моста и остановилась возле жонглирующего водой фонтана, изображающего уличного циркача. Два лакея в красных ливреях прыгнули с запяток кареты, услужливо откинули подножку, распахнули дверцу и замерли в полупоклоне, не смея поднять глаза на своего господина, показавшегося из кареты.

На бульжник площади ступил мужчина среднего роста в роскошном камзоле и штанах темно-синего цвета с золотыми пуговицами. Его голову украшала широкополая шляпа с тремя загнутыми краями и золотым значком Морской Гидры на тулье. Лицо скрывала лисья маска, из-под которой на спину ниспадали две тугие черные косы, оплетенные белым шнурком. Человек с лисьей головой осмотрелся по сторонам, положил руку, затянутую в кожаную перчатку, поверх которой были надеты четыре золотых перстня с драгоценными камнями, на рукоять боевой шпаги, висящей в ножнах у пояса.

Замковая стража почтительно склонилась перед приехавшим господином. Все знали, что это прибыл лэл Дарио Винченцо Ноччи, камерлинг Тройки Спокойствия ложи Морской Гидры, чаще называемый за свой хитрый ум и дьявольскую расчетливость Островным Лисом. Камерлинг был одной из самых влиятельных фигур в ложе, по сути второе лицо после Верховного магистра. В его ведении находились все финансы ложи, он управлял банками, торговлей и денежными потоками, проходящими сквозь подконтрольные ложе предприятия и фирмы.

Лэл Дарио, не обращая ни на кого внимания, поднялся по парадным ступеням Дворца Дожей, стоящего на территории Замкового острова, и вошел внутрь. Сразу за этим подъемный мост начал свою дорогу вверх, а к форейторам, прогуливающимся вдоль кареты, приблизился капитан замковой стражи лэл Бравио Леоне Форци.

– Чего это Островный Лис перед самым Вознесением у нас забыл? – спросил капитан Форци и раскурил ароматную трубку.

Попыхивая дымом он уставился выжидательно на форейторов. Обычно слуги не прочь потрепаться на счет господина, всегда рады поделиться последними сплетнями, обмыть косточки всем вокруг, только не эти. На капитана Форци смотрели окаменевшие ничего не понимающие лица. Казалось, это мертвяки, поднятые из могил, поставлены служить великому камерлингу ложи. Капитану стало не по себе, от неприятного морозца, пробежавшего по коже, его передернуло, лицо скривилось в лимонной гримасе, и капитан Форци поспешил отойти от неприятных слуг. Как говорится, от греха подальше.

Тем временем лэл Дарио Винченцо Ноччи, Островной Лис, шагал по пустым мраморным залам Дворца Дожей. Его не удивляла абсолютная безлюдность залов и наливающийся магией воздух вокруг. Он знал, что его ждут наверху в Зале Умных Голов, как в древности называли Зал Советов их далекие предки, основатели старых венецианских семей, и гадал по какому вопросу Тайная Тройка, подчиняющаяся его воле, вызвала его в свою резиденцию фактически прика-

зав. Господин приказывает, а подчиненные подчиняются, но не наоборот. Внутри Островного Лиса все клокотало от гнева, но он держал себя в руках. Сперва все узнать, понять намерения подестов Тайной Тройки, а уж после этого решать, что делать дальше, в том числе и с обнаглевшими подестами, осмелевшими нарушить лестницу субординации. Лэл Дарио Винченцо Ноччи не боялся подестов Тайной Тройки, поэтому и приехал один, а не в сопровождении боевых магов Тройки Поддержки. Островной Лис и сам был в состоянии справиться с зарвавшимися подестами. В конце концов он был могущественным магом, в то время как подесты значительно уступали ему в силе и способностях, даже если сложить их возможности вместе.

В круглой Зале Умных Голов с шахматным мозаичным полом и гобеленами, отображающими сцены из богатой венецианской истории обязательно с участием двенадцати мифических магических зверей, от которых вели род старейшие семьи города, Островного Лиса ждали. Три подеста, главы Тайной Тройки, сидели в трех символических креслах, отображающих три столпа магической силы. Стихия земли, чёрное грубой работы кресло из каменного дерева. В нем сидел человек в маске волка, две тугие белые косы, оплетенные черным шнурком, лежали у него на плечах. Стихия огня, красное кресло с обтекаемыми чертами из остывшего вулканического камня. Его занимал человек в маске орла с хищным золотым клювом. Стихия воды, белое кресло, вырезанное из кости легендарной морской гидры, найденной тысячи лет назад на месте нынешнего города. В нем возвышался могучий человек, спрятавший лицо под маской клыкастого кабана. Перед лэлом Дарио Винченцо Ноччи сидели главы внутренней полиции ложи Морской Гидры, а он стоял перед ними словно провинившийся школьник, а под ногами у него на полу лежала шестиконечная звезда Раскаяния, мишень для провинившихся, предателей интересов ложи.

Островной Лис с трудом сдержал ярость, грозящую выплеснуться и сжечь все вокруг магическим огнем. Неужели эти идиоты, спрятавшиеся под масками Волка, Орла и Кабана не понимают, что при малейшем неповиновении он уничтожит их, сотрет в порошок и развеет их пепел над Кольцевым каналом. В последнее время Тайная Тройка слишком много возомнила о себе. Карательный орган в руках Великого Магистра ложи, зажил своей жизнью, выбился из-под контроля своего непосредственного командира, камерлинга Тройки Спокойствия. Лэл Дарио Ноччи не обращал внимания на игнорирование приказов, самовольно принятые решения и проведенные казни якобы виновных адептов ложи, но сегодня они перешли незримую грань и теперь им не поздоровится. Когда Грешники Тайной Тройки уничтожили банкира Фортио Ацио Туи, в чьих руках была сосредоточена вся торговля кабатанским табаком, лэл Дарио Ноччи смолчал. Хотя вопросов у него было тысяча. Ни одного доказательства вины банкира подесты Тайной Тройки ему не предоставили. Со смертью Фортио Туи ложе был нанесен ощутимый финансовый удар. Но закон для всех один. Предавший интересы ложи, повинен смерти. Великий Магистр смолчал, не спросил со своего камерлинга за смерть банкира. Но Островной Лис запомнил, что нужно разобраться с подестами. Он и сам не верил больше в чистые помыслы своей карающей руки. Теперь же похоже настала пора объясниться начистоту и призвать подестов к ответу. Он бы и раньше сделал это, но по старинному обычаю ложи Морской Гидры никто не знал в лицо подестов Тайной Тройки и исполнителей Грешников, в том числе и он, их непосредственный начальник. Хотя они знали в лицо всех магов Венецианской республики, как входящих в ложу, так и живущих на вольных хлебах.

Островной Лис обвел тяжелым изучающим взглядом хранящих молчание подестов, с трудом сдерживая гнев. Внезапно Волк, Орел и Кабан поднялись из кресел, и в ту же минуту двери Зала Умных Голов захлопнулись, отрезая лэла Дарио Ноччи от внешнего мира. Он почувствовал угрозу для себя и прикоснулся к своему дару, но к ужасу своему обнаружил, что магия его пропала.

Лэл Дарио Ноччи неторопливо огляделся по сторонам. Пропать магия могла только по одной причине. И эта причина в количестве трех Грешников стояла возле закрытых дверей.

Вот теперь Островной Лис почувствовал, что попал прямо на мушку охотнику при попытке полакомиться курятиной в чужом курятнике.

Пол под ногами лэла Дарио Ноччи вздрогнул. Это Замковый остров пошел на Вознесение.

От времен основания города, восемь островов, восемь жизненно важных городских центров с наступлением ночи поднимались в воздух, прикованные к земле стальными цепями. Магическая сила поднимала острова в небо, чтобы враг не мог воспользоваться ночной беспомощностью горожан и захватить город. На заре Венеции город часто страдал от нападения пиратов и тогда Городской Совет во главе с дожем принял решение о создании восьми парящих островов, на которых в случае угрозы горожане могли спрятаться от врага. И каждую ночь восемь островов поднимались вверх, и только стальные цепи не давали им улететь в неизведанные дали.

Теперь Островной Лис знал, до утра из Дворца Дождей ему не выбраться. А до утра еще надо дожить, к тому же когда по твою душу пришли Грешники, которые выпивали из любого мага всю его силу, лишали его способностей, а потом безжалостно убивали, пользуясь его беззащитностью. По легенде Грешники вместе с магической силой жертвы забирали все ее грехи и взваливали на себя, потому и назывались Грешниками. Такова расплата за опасную и грязную профессию. Хотя не такую уж и грязную. Грешники вычищали ложу от скверны, которая не будь их могла бы её поглотить.

Островной Лис обвел Грешников взглядом. Ему в первый раз доводилось видеть этих легендарных убийц. Они были одеты в белые камзолы, скрытые под серыми плащами рядовых замковых стражей. Истинные лица закрывали стальные маски, изображающие человеческое лицо у кого смеющимся, у кого плачущим, у кого хранящим ледяное спокойствие. Голову Грешников покрывал капюшон с гербом ложи – Морской Гидрой.

Неужели они убьют его? Зачем тогда такая сложность, приглашать в резиденцию Тайной Тройки, когда можно было совершить черное дело на любой из улиц или каналов города. Лэл Дарио Ноччи терялся в догадках, и эта безызвестность вкупе с собственным бессилием злила его еще больше.

Замковый остров закончил свое Вознесение, звякнули туго натянутые цепи по периметру острова и в ту же минуту ударил глухой медный гонг, возвещаая о начале Ночного Бдения. На крепостных стенах замка занимали свои места на посту замковые стражники, готовые в любое время отразить коварную атаку неприятеля.

Островной Лис, понимая что его дело безнадежно, решил идти до конца. Напустив на себя надменный вид, он вытащил из ножен шпагу и выставил ее перед собой, нацелив в грудь Орлу со стальным клювом. Он вызывал на бой этих подлецов, и если уж его старого Островного Лиса переиграли на его же поле, он готов был расстаться с жизнью, только прихватит с собой кого-нибудь за компанию.

– Не спеши умирать, лэл. Спрячь шпагу. Она тебе не понадобится. Неужели ты решил, что мы хотим убить тебя? – с насмешкой в голосе произнес подест Волк.

– Да кто дал тебе право говорить со мной в таком тоне?! – возмутился Островной Лис.

– Если бы мы решили убить тебя, то за нас это сделали бы Грешники. Тем более ты сейчас беспомощен, словно младенец, – сказал подест Орел.

– Что за бунт вы чините?! – вскричал лэл Дарио Ноччи. – Вы воодушевились итальянскими революционерами, которые будоражат бывшее королевство. Вы набрались от них вольнодумных мыслей. Или вас подкупили? Что здесь происходит?

– Успокойтесь, лэл. Мы хотим договориться. Мы не стремимся к войне и к вашей гибели. Мы верны идеям ложи Морской Гидры, мы воспитаны ее духом и никто не поступится этим. Но не все гладко и чисто в венецианском королевстве, – медленно нараспев проговорил подест Кабан.

– Тогда я ничего не понимаю. Все что здесь происходит очень напоминает бунт. Вы пленили своего начальника, и теперь пытаетесь со мной о чем-то договориться.

Островной Лис говорил быстро, все время вертел головой, обводя взглядом своих противников, мятежных подестов и вечно молчащих Грешников, перекрывающих пути к отступлению. Он говорил и в то же время его разум лихорадочно искал спасительный выход из ловушки. Если они не сумеют договориться, то он точно не доживет до рассвета. А если все же договорятся, то останется ли лэл Дарио Винченцо Ноччи самим собой, не превратится ли во что-то другое, поступившись своими принципами. Можно было попытаться пробиться к выходу силой, но любая попытка была изначально обречена на провал. Грешники искусные бойцы. В то время как он тренировался в финансовых операциях, они совершенствовали искусство убивать. Так что шансы были явно не равны.

– Если бы вы не были нашим начальником, мы бы не стали с вами договариваться, а перешагнули бы через вас во имя великой Гидры, – возразил лэлу Дарио Ноччи подест Волк. – Мы всего лишь хотим восстановить силу нашей ложи, ее влияние и уберечь ее от гнили, которая в последнее время проникла повсюду и грозит нашему существованию.

Островной Лис усиленно изображал испуг. Он свято верил в то, что из любой катастрофической ситуации можно найти выход, для этого только нужно взвесить и проанализировать все обстоятельства, а главное не поддаваться паники. Он уже понял, что подесты не отпустят его живым, если он не перейдет на их сторону. Но можно же изобразить согласие, а потом когда сила окажется на его стороне, уничтожить врагов. Надо только узнать их планы. Что они хотят? Для чего им потребовался лэл Дарио Ноччи? И как такое могло произойти, что контролируемая им Тайная Тройка вдруг решила играть самостоятельно, пустив по борту прямые приказы. Его приказы. А ведь он вот уже двадцать с лишним лет возглавлял Тройку Спокойствия, куда входила Тройка Равновесия ведавшая всеми финансовыми операциями ложи Морской Гидры, и Тайная Тройка, по сути внутренняя полиция магической ложи.

– Похоже, у меня нет другого выхода. Я внимательно слушаю вас, лэлы. Надеюсь, что вы сможете меня удивить. Да и учтите, что если вы все же осмелитесь убить меня, то для вас это будет иметь очень печальные последствия. Я главный банкир ложи и многое из того, что знаю я, не ведают больше никто. С моей смертью ложа сильно обнищает.

Островной Лис усиленно изображал испуг, что сам себе был готов поверить.

– Лэл Дарио Ноччи, не унижайте нас вашим спектаклем, – попросил подест Орел. – Вы не из тех, кто способен чего-то бояться, даже своей смерти. К тому же вы здравомыслящий человек. А то что предлагаем мы принесет оздоровление ложе. Согласитесь, что последние лет тридцать ложа находится в упадке, периоде застоя. Мы замкнулись на себе. Владея таким количеством денег, распределенных по банкам Европы, таким количеством работающих и приносящих доход предприятий, наша ложа находится в самом низу магической пирамиды, и Верховный Магистр, лэл Альберто Варитто Кантарине, возглавляющий нашу ложу вот уже сто пятьдесят с лишним лет, не делает ничего, чтобы исправить ситуацию. Обладая такой финансовой паутиной, мы могли бы купить все остальные ложи, но мы довольствуемся скромной ролью штатного клерка, выдающего долговые расписки. В упадке находятся и наша магия. Когда то с нами считались все, а теперь молодые венецианцы, наделенные магическим даром, предпочитают идти в ученики к магам ложи Священной Волчицы, верховной ложе раздираемого революцией Итальянского королевства. Где это видано чтобы боевые маги Священной Волчицы хозяйничали в нашем городе, в нашем государстве на правах хозяев. Что творится? Куда катится мир? Как мы смогли это допустить? Того и гляди Священная Волчица объявит войну Морской Гидре и выиграет битву. У нас нет притока свежей крови. И скоро наша ложа превратится в ложу банкиров, но никак не магов.

Островной Лис хитро прищурился, понимая куда клонит подест. В последнее время такие мысли бродили внутри ложи, будоражили умы, заставляли искать пути выхода из кризис-

ной ситуации. Тройка Поддержки как раз этим плотно и занималась. Тройка Регламента, входящая в Тройку Поддержки, занималась теоретическими расчетами, составлялись прогнозы, когда Гидра сможет сбросить с себя ярмо Волчицы. В то же время Тройка Упокоения, также входившая в Тройку Поддержки, усиленно трудилась в Оранжерее, создавая материальную базу. Маги Оранжереи разрабатывали новые виды заклинаний, магического оружия, чтобы в нужное время боевые маги Морской Гидры были вооружены для битвы с Волчицей. Только вот Верховный Магистр лежи все медлил, не осмеливался объявить войну засилью чужеродной лежи на исконной территории Гидр. Никто не мог понять, что ждет Магистр, но никто не осмеливался выступить против старого Магистра.

– Что предлагаете вы? – осторожно спросил Островной Лис.

– Верховный Магистр, лэл Альберто Варитто Кантарине, слишком стар для своей должности. Но добровольно он ее не оставит. Мы хотим сместить его и другого пути нет, старый магистр должен умереть, чтобы лежа могла обновиться, набрать полные легкие воздуха и задышать по-новому, – произнес подест Орел.

– Красиво говорите, благородный лэл, только вот слова у вас кровавые. Смерть Верховного Магистра может расколоть лежу. Никто не останется равнодушным, если Старика убьют, – высказался Островной Лис.

– А кто сказал, что убьют? – переспросил подест Волк. – Все должно выглядеть очень и очень естественно. Магистр стар, очень стар, если не сказать ветх. Если его сердце откажет, то никто этому не удивится, и тут же выберут нового Магистра.

Островной Лис улыбнулся под маской. Он знал, зачем понадобился заговорщикам. Они хотят, чтобы он убил Магистра. И ведь как все у них стройно и красиво получается. Лэл Альберто Кантарине наследовал от своего старинного семейства одну характерную черту характера – болезненную подозрительность. Он подозревал всех и каждого и никогда никого не принимал наедине. На рабочих аудиенциях Великого Магистра всегда присутствовали Узники, личные телохранители Магистра. Только для двух людей, занимавших не последнее место в иерархии лежи Морской Гидры, было сделано исключение. И одним из этих людей был он, камерлинг лежи – лэл Дарио Винченцо Ноччи.

– Зачем мне убивать Верховного Магистра? – осторожно спросил Островной Лис. – Какой прок?

Как же ему было неуютно стоять под перекрестными взглядами подестов и Грешников, но он держался, клятвенно пообещав себе отплатить им за унижение.

– Как только старик Кантарине отойдет в мир иной с почестями, лежа Морской Гидры сможет навсегда установить свое господство над Венецианской республикой. Мы сможем уничтожить влияние и присутствие магов Священной Волчицы. Итальянцы зарвались. Они ведут себя на нашей земле как хозяева. Давно пора поставить их на место. Не секрет, что Волчица сейчас слабеет на глазах. Революция в Итальянском королевстве выедаст последние силы у лежи, которая пытается поддержать и сохранить монархию в государстве. Время уничтожить Волчицу настало. Удара от нас сейчас они не ожидают, – сказал подест Орел.

– К тому же новый Верховный Магистр имеет достаточную силу для того, чтобы возвысить лежу и преумножить ее богатства. Вы со мной согласны, лэл Ноччи? – спросил подест Кабан.

Островной Лис поморщился, словно от зубной боли. На что они намекают? Кажется, он догадывался.

– Ведь вы не откажетесь от ответственности, лэл Ноччи? – закончил мысль подест Кабан.

– Почему я?

– На место Верховного Магистра могли бы претендовать только двое магов. Вы и лэл Абуа Альвизе Шошшане, глава Тройки Поддержки. Только в случае если старый Магистр покинет

нас, мы сделаем так, чтобы лэл Шошшане сам предложил избрать вас новым Магистром, – пообещал подест Волк.

Островной Лис задумался, крепко задумался. А ведь было о чем? С одной стороны он не забывал, где находится, во Дворце Дождей, названным так за те реки крови, которые пролились здесь в свое время при уничтожении заговорщиков и предателей интересов ложи Морской Гидры. А что если все это провокация Тайной Тройки, проводимая по прямому распоряжению Верховного Магистра. Со старого параноика станет устроить подобную проверку. С другой стороны подесты правы, ложа медленно хиреет, от былой силы и влияния почти ничего не осталось. Если бы не финансовое влияние на европейских рынках и в банковской паутине, ложу давно бы поглотила Священная Волчица. И Старый Магистр не в силах изменить расстановку сил. Если он продержится у власти еще какое-то время, то скорее всего в ложе начнут заправлять ставленники Священной Волчицы. А Островной Лис не мог этого допустить. Он представлял себе с чем ему придется столкнуться, если он возглавит ложу. Сколько битв придется взвалить на себя. Но трудностей он не боялся. В конце концов власть это в первую очередь ответственность перед теми, за кого ты отвечаешь. И как жаль, что не все это понимают. Когда-то Старый Магистр лэл Альберто Варитто Кантарине хорошо знал это, но, кажется, в последние годы он заразился старческой забывчивостью.

Островной Лис улыбнулся под маской. Что ж попробуем сыграть по предложенным правилам и посмотрим куда это его приведет.

– Почему вы это делаете? Почему сами не возглавите ложу? – спросил он.

– Подесты Тайной Тройки никому не известны. Нас никто не знает. Мы не пользуемся влиянием. Какой Верховный Магистр из нас получится? – возразил подест Орел. – А вы пользуетесь уважением и влиянием в ложе. К тому же вас связывают долгие годы дружбы с лэлом Кантарине.

Дружбы? Ха! Фыркнул про себя Островной Лис.

– Мы заботимся о прогрессе ложе, о ее величии. Нас не интересуют личные амбиции, – добавил подест Кабан.

– Мы всего лишь судьи и палачи, но не маршалы, – закончил подест Волк.

Островной Лис принял решение, и это решение изменило всю судьбу ложи Морской Гидры.

Глава 6

Чиновник по особым поручениям

Дорога до маленького городка Горлова, отмеченного крохотной точкой на карте Руссийской империи, заняла двое утомительных суток. Барон Мюнх и Миконя вынуждены были трястись в казенном экипаже. Пускай в мягком и удобном, но все же по руссийскому бездорожью, вместо того чтобы за пару часов долететь на ваншипке, но указания князя Драгомысла было четкими: «Как можно меньше шума и пыли в глаза». Пришлось довольствоваться диванами кареты и прелестями дорожной жизни.

К исходу первого дня пути, у них сломался обод колеса. Карета накренилась на бок и чуть было не перевернулась. Хорошо что кучер вовремя осадил лошадей, а то бы точно оказались прямым в канаве. Но пришлось сделать вынужденную остановку посреди сырого холодного леса, ошестившегося супротив непогоды и непрошенных гостей еловыми иглами и острыми ветвями, нависающими над узкой проселочной дорогой, испещренной ямами и колдобинами.

– Ты что, ирод нечестивый, не мог вести барина по цивильной дороге?! Что ты за гать выбрал?! О чем думал, валенок столичный! – напустился на бедного кучера Миконя.

Карл отошел в сторону, закутавшись в теплое форменное пальто, и ехидно посмеивался в бороду, наблюдая за тем как Миконя распекал нерадивого кучера.

– Да ты о чем вообще думал, когда свернул в эту дыру?! Ты откуда на нашу голову такой взялся?! Где тебя вообще подобрали?! Точно ведь в нашей Александрии таких чугунков не водится?! Растудить тебя в телегу! Чего встал как крепость Корша перед нашествием турок?! Давай давай колесо меняй?! Мы тут долго будем мерзнуть?! Нам по государственной надобности надо срочно, а ты саботируешь!

Карл поежился от холода и выдохнул изо рта пар. А все-таки морозно под вечер. Осень уже вовсю вступала в свои права, но в этом году была особенно нетерпелива. Она не дала лету медленно отступить, побаловать людей последними теплыми днями, сразу взяла в оборот, заморозила деревья и землю, закрутила холодным ветром по улицам опавшие листья, и вселила сырость в души людей.

Миконя отошел от поникшего головой кучера – здорового верзилы лет сорока с пышной чёрной курчавой бородой и густой шевелюрой, выбивающейся из-под меховой шапки, кривыми зубами и яркими мальчишескими глазами, сейчас смотревшими обиженно на барина и его слугу, ни за что ни про что его отчитавшего. Карлу даже стало жалко Прохора, о чем он тут же заявил подошедшему Миконе:

– Зачем ты его так круто в оборот взял? В чем мужик провинился, не он эту дорогу так угрохал, что по ней не пройти ни проехать.

– Он мог бы поехать нормальной дорогой, а не по этой расколдобнице тащиться, – успокаиваясь заявил Миконя и боязливо осмотрелся по сторонам. – Что-то не нравится мне тут, барин, совсем не нравится. Жутища какая-то.

– Брось, Миконя, обстановку нагнетать, сейчас починимся и дальше поедem. Ничего страшного и неприятного пока не случилось.

И словно бы в насмешку над словами барона Мюнха, пепельное небо разразилось громом и пролилось дождем.

Карл тут же поскущел лицом, вжался поплотнее в пальто и натянул на голову шляпу, чтобы уберечься от ледяной неприятной небесной влаги. От его благодушного настроения не осталось и следа. Зато Миконя посмотрел на него торжествующе и бросился к Прохору подгонять его, нерадивого.

Второе происшествие произошло неподалеку от города Горлова, конечной точки их путешествия. Барон листал книгу и пытался ее читать в неверном свете светильника. Дорога была

накатанной, почти не трясло. Миконя напротив дремал. Выглядел он при этом весьма потешно. В наглухо застегнутом коричневом пальто с меховым куцым воротником и в меховой шляпе, надвинутой на глаза, он напоминал обожравшегося перед зимней спячкой медведя. В особенности сильно из-под шкуры-пальто выделялись револьверы, лежащие во внутренних карманах, и рукоять охотничьего ножа, висящего на поясе. Миконя посапывал, приоткрыв рот, но даже во сне он не выпускал из рук рюкзак с магическим инструментарием.

Карл как раз захлопнул книгу, утомившись от мельтешения букв перед глазами, когда карету резко занесло в сторону, подбросило вверх, она накренилось на один бок и все же остановилась. От таких кульбитов Миконя уронил рюкзак с сидения. Карл следил за его падением с замершим сердцем, а мало ли что магическое внутри рванет, потом здоровья не напасешься. Сам же Миконя проснулся и спросонья выругался замысловато. Карл же с трудом удержался на месте, упёршись одной рукой в потолок, другой вцепившись в спинку диванчика.

Карета остановилась. Миконя непонимающе завращал головой из стороны в сторону, пытаясь сориентироваться в происходящем, и потянулся одной рукой за пазуху, за пистолетами, другой же стукнул раз, другой в стенку кучеру:

– Эй, ты, борода, совсем там что ли заснул?!

Кучер не ответил.

Карл почувствовал неладное, открыл дверцу кареты и выскочил наружу, вынимая шпагу из ножен. Вокруг все было тихо. Спокойный блестящий от дождевых капель лес окружал ровную проселочную дорогу, не чета той где они чуть было колесо не потеряли. Карета стояла на обочине, чуть накренившись на левый бок. Ничто, казалось, не угрожало путникам.

Карл осторожно, продолжая следить за лесом и дорогой, пошел вокруг заляпанной бездорожьем кареты. Из нее появился Миконя с револьверами в руках, словно заправский партизан времен Первой Магической Войны. Карл обогнул карету и заглянул на козлы. Кучер сидел неподвижно, выпучив глаза, с прямой спиной, словно ему штырь стальной вставили вместо кривого позвоночника. Кучер был жив, только не мог пошевелиться, словно парализованный. Карл тут же почувствовал отголосок магического воздействия. Он не успел освободить Прохора, как на него напали.

Карл не видел нападавших. Они засели где-то в лесу. Кто-то попытался набросить на него паутину подчинения, нелепую, слепленную на скорую руку с большими дырками. Но такого простака как Прохор эта паутина парализовала. Ему же не могла причинить вреда, разве что он при этом будет мертвецки пьян. Тот кто соткал эту паутину явно был магом-неумехой, или самоучкой, а нет ничего хуже человека, открывшего в себе магический дар, но так и не научившегося им пользоваться. Одна беда, если он так и останется ярмарочным фокусником. Но не пробужденный маг может стать страшным стихийным оружием, не управляемым.

Карлу стало интересно, что будет дальше. И он претворился спеленатым паутиной подчинения. Маг-самоучка из леса не смог даже почувствовать обман. Миконя тоже застыл возле распахнутой дверцы кареты, с каждой минутой злясь все больше.

Какое-то время ничего не происходило, а потом из леса полезли люди, вооруженные кто чем: топорами и старыми кремневыми ружьями, кольями и вилами. Громыхнули в небо пара револьверных выстрелов. Во устрашение. Местное разбойничье ополчение устроило на них засаду. Одетые в теплые, но старые дырявые фуфайки, ватники и солдатские шинели, в шляпах, фуражках, шапках-ушанках, артиллерийских шлемах, грязные с заросшими рожами они выбрались из леса и орущей гурьбой бросились к карете. Они ожидали увидеть спеленатых волшбой путешественников, легкую добычу, не способную к сопротивлению. Но вместо этого дорогу им заступил барон Мюнх. Карл без труда скинул с себя сети подчинения и катнул в сторону враждебного мага-самоучки заклинание «Снежного Помутнения». Он почувствовал, как смело несильной волной баронского заклинания мага-недоучку, не ожидавшего что его жертва проявит такую прыть и уже праздновавшего очередную победу и богатый куш. Теперь

на время несмышленный поединщик был дезориентирован, он словно слепой кутенок будет долго тыкаться из стороны в сторону в поисках молока, до прозрения ой как далеко. И Карл мог заняться разбойниками, несущимися к карете в предвкушении богатой добычи.

Карл, выставив шпагу перед собой, шагнул навстречу шайке лесных бандитов. Но их это не испугало. Позади Прохор издал сдавленный вскрик ужаса, но Карл не обернулся. Он решил серьезно проучить лесную братию, как разбоем по дорогам промышлять. Привыкли безобидных путников обдирать, но тут не на того напали.

Из-за спины барона раздался выстрел. Затем второй. И впереди бегущий разбойник в дырявом тулупе до пят с рыжим, местами с подпалинами, воротником споткнулся, остановился, сделал два неуверенных шага вперед, посмотрел себе на грудь, где на серой рубахе, видневшейся в просвете не застегнутого тулупа расплывалось алое пятно, и рухнул лицом в мокрую траву. Второй выстрел остановил высокого худого паренька в тельняшке и легкой кожаной куртке. Он бежал к карете с двумя серпами, сверкая безумным взглядом. Пуля потушила его взгляд, войдя аккуратно в правый глаз. Паренек крутнулся вокруг своей оси, непроизвольно взмахнув руками, словно пьяная балерина на сцене Большого театра, и один из серпов изогнутым лезвием вошел в брюшину другому разбойнику, не ожидавшему такой подлянки от своего подельника. Сплетенные в объятьях смерти тела рухнули на сырую землю.

Миконя выстрелил еще раз. И еще, но Карлу было некогда следить за результативностью его стрельбы. На него налетели четверо бандитов и началась мясорубка. Одного из них Карл испепелил на подходе огненным шаром. Остальные удивились, видно маги в этих краях нечастые гости, но не отказались от мысли разделать заезжего барина на окорочка. Карл отмахнулся шпагой от детины, вооруженного топором на длинном топорнице, ушел из-под тычка вилами и засадил в лоб прыткому старику с заточенной жердиной «Ледяную Иглу». Старик остановился, вытаращился оторопело, выронил жердь и рассыпался в снег. Это на время отвлекло других бандитов, и Карл отпрыгнул подальше, расширяя себе пространство для маневров.

Их было слишком много. Всех «Ледяными Иглами», да огненными шарами не перешелкаешь, нужно было что-то позаковыристее, да позатратнее, но на подготовку такого заклинания пока не было времени. Все время какая-нибудь гнусь мешала на нем сосредоточиться, норыва то вилами в живот тыкнуть, то топором по голове заехать.

Карл увидел, как Миконя, разрядив барабаны револьверов в бандитов, нырнул в салон кареты, откуда выволок свой рюкзак с магическим инвентарем. Бухнувшись на колени, он развязал на нем тесемки и запустил в него обе руки. К нему тут же бросились двое разбойников, Карл прикрыл спину друга, послав в них огненные шары. Два живых факела с дикими криками, выронив оружие, бросились в чашу леса. Наконец Миконя справился с рюкзаком и его содержимым и извлек наружу две склянки из не разбиваемого стекла с магическим зельем. Вырвав затычки из одной склянки, Миконя разбежался и метнул ее в толпу бандитов с большой дороги. Нагнувшись, подобрал вторую склянку и метнул ее вдогонку к первой.

Карл успокоил детину с топором, проткнув ему шпагой горло, и пригнулся к земле. Теперь у него появилось немного времени, чтобы подготовиться с заклинанием.

Магическая субстанция в упавших склянках вступила в взаимосвязь с воздухом, запустился процесс реакции и вскоре громыхнул сперва один взрыв, затем другой, разметав разбойников в стороны словно кегли в кегельбане. Кого-то убило, кому-то оторвало ноги и руки, они истошно орали от боли, расползаясь по кустам, кого-то просто отшвырнуло в сторону взрывной волной. Но на какое-то время разбойникам не было дела до оказавшихся очень опасными путешественников.

И чего они, дураки, не отступились. Почувствовали же, что не на тех напали, что путники оказались им не по зубам. Тут бы и назад в леса да побыстрее, ан нет гордость выиграла. Как же так, их тут почитай три десятка, а они от барина и мужика бежать будут. За что и поплатились.

Пока разбойники приходили в себя от разорвавшихся магических бомбочек Микони, Карл сплел заклинание «Снежного Помутнения», таким он надолго уложил мага-самоучку бандитов с большой дороги. Только на этот раз заклинание пришлось расширять и напитывать большим количеством энергии. Одно дело оглушить мага-самоучку, а другое дело вывести надолго из строя добрых два десятка людей.

Когда улеглась грязь и земля, поднятая взрывом в воздух, Карл не дал разбойникам опомниться и атаковал их готовым заклинанием «Снежного Помутнения». Волшебство разлилось над разбойниками, погружая их в состояние оцепенения. «Снежное помутнение» воздействовало на разум человека, словно нисходящая на маленький курортный городок снежная лавина. Кто-то окажется погребенным под снегом, кто-то в панике бросит все имущество и бежит куда подальше. «Снежное помутнение» шарахало по голове, путало мысли и восприятие мира. Человек оказывался неспособен двигаться, трезво мыслить. Таких контуженных пациентов можно было безболезненно вязать и отправлять по этапу в острог.

Выжившие в лесном бою разбойники все как один повалились на землю. Карл вернул шпагу в ножны, поднял с земли слетевшую во время боя шляпу, отряхнул ее от грязи и водрузил на голову.

– Целы, Карл Иеронимыч? Все благополучно? – тут же оказался рядом встревоженный Миконя.

– Все хорошо, друг мой. Ловко ты их бомбочками приложил, ничего не скажешь. Самое время. Надо как можно быстрее добраться до города, и отправить сюда жандармов. Пусть вяжут клиентов, пока они еще контужены.

Проход на козлах приободрился. До него не добрался ни один разбойник. Ему удалось отсидеться за спинами барона Мюнха и Микони.

– Домчим, ваше благородие. Быстро домчим, – пообещал кучер.

* * *

– Везет же вам, Карл Иеронимыч, только приехали и уже взяли банду Кирея Худого. Он уже почитай второй год нашу губернию будоражит, путникам одиноким проходу не дает. Ограбленных и обиженных счету уже нет, а тут вы на белом коне. Остается только завидовать вашей удачливости, – наблюдая за тем, как жандармы выгружали из арестантских карет уцелевших, но подраненных разбойников заметил Алексей Бахмутов, агент Тайного кабинета, присланный в Горлов несколькими днями ранее.

Алексей Бахмутов был невысокого роста упитанным мужчиной средних лет, светлые чуть курчавые волосы, простое открытое лицо, внушающее доверие, с редкими всполохами веснушек, пухлые руки пекаря и невеселая улыбка сильно пьющего трагика.

– Не спокойный городок какой-то. Подозрительный, – тут же отозвался Миконя. – Едем, никого не трогаем и тут нате вам здрасьте сюрприз на задницу из-под земли.

– Повежливей, Миконя. Алексей ни в чем не виноват, он так же как и мы приехал выполнять задание Тайного кабинета, и попал в глухомань, – одернул друга Карл.

– Ничего, ничего, Карл Иеронимыч, мы народ привычный. Но признаться честно не люблю я всю эту провинциальную шушеру. Приезжаешь из столицы, а тебя тут за ноль держат, так еще в каждом твоём шаге, вздохе, взгляде ищут высокомерие столичного выскочки. И вроде с одной стороны перед тобой лебезят, с другой в спину плюют. Противно.

– Ничего, скоро мы тут закончим, и вы вернетесь, – пообещал Карл.

– Вы то может и вернетесь, а мне высокое распоряжение пришло, оставаться тут на постоянную службу. В ведение мне целая губерния отдается, буду тут порядки Тайного кабинета наводить. Раньше то тут постоянного агента не было, теперь я за него, – тяжело вздохнул Бахмутов.

– Лучше быть королем в деревне, чем третьим помощником посыльного в столице, – заметил Миконя.

– Алексей, нам бы сейчас с дороги где-нибудь пару часиков передохнуть, а потом наведаемся в гости к Петру Сергеевичу Свешникову, – сказал Карл.

– Без проблем, тут неподалеку постоянный двор «Дорофеев», можно будет перевести там дух с дороги. Вы езжайте, а я задержусь пока. У шефа жандармов могут появиться вопросы, и надо бы ответить, – развел руками Бахмутов и выбрался из кареты барона Мюнха.

Карета тут же тронулась с места, направляясь к названному постоянному двору.

Карл надеялся немного отдохнуть, привести себя в порядок и уже после этого направиться в усадьбу Свешниковых, но в гостинице его ждал сюрприз. Стоило ему подать документы портье, юноше лет восемнадцати незапоминающейся внешности в костюме, как он тут же сообщил, что господина барона уже ждут в гостиной и попросил коридорного проводить.

Миконя последовал за бароном.

В гостиной в одном из больших потертых кресел сидел грузный седой мужчина с большими вислыми усами и в очках на золотой цепочки. Мужчина был одет в строгий серый костюм тройку, на столике перед креслом лежали перекрещенные перчатки, поверх которых покоилась шляпа. Господин безынтересно листал газету, похоже ждал он уже достаточно давно.

Карл подошел к нему, представился и сел напротив. Миконя остался стоять возле стены, наблюдая за дверями, за беседующими бароном и неизвестным господином.

– Очень приятно видеть вас... живым... – произнес пожилой господин и оправил вислые усы.

Карл удивленно приподнял бровь, но смолчал. Что он хотел этим сказать? Это что угроза, но зачем и к чему? Кто может ему в этом Горлове угрожать?

Седовласый не дождался ответа и продолжил:

– Вы не верно поняли меня, господин хороший. Я не угрожал вам, упаси боже. Мне дорого спокойствие этого города, его незыблемое равновесие, и я готов отдать все что у меня есть, лишь бы так все дальше и продолжалось. Даже если потребуется и свою жизнь. Вы только приехали, вы еще не успели почувствовать. Мы сами люди простые и маленькие, нам неинтересны бури большого города, мы предпочитаем легкие провинциальные сквозняки. Там где вы через несколько дней начнете глотать кулак от зевотной скуки, мы живем и процветаем. То что вам покажется болотным невежеством, для нас яркие дни. И мы хотели бы чтобы все так и оставалось.

– Позвольте узнать от чьего имени вы говорите? – осторожно поинтересовался Карл. Он начал подозревать, кто перед ним сидел.

– От лица деловых людей Горлова, – непрозрачно намекнул седой. – Мы очень обеспокоены неприятной трагедией в семье всеми уважаемого профессора Свешникова. И, признаюсь честно, более обеспокоены тем, что может произойти в нашей горловской луже, если сюда залезут все имперские жандармы в своих больших сапогах. Я думаю, вы понимаете, о чем я говорю.

– Вполне, – улыбнулся Карл. – Почему вы об этом говорите мне?

– Мы понимаем кто вы и зачем сюда приехали. Мы не наивные деревенские пастушки, чтобы не прочесть за появлением такой высокой особы последствия для нашего местечкового гешефта. Поэтому мы хотели бы убедить вас в том, что это болото не стоит того, чтобы в нем купать свои ноги.

Седовласый любовно огладил усы и пристально посмотрел на барона, ожидая его реакции.

– Вы наверное несколько заблуждаетесь в моей персоне, – осторожно ответил Карл.

Не стоит вот так сразу перед противником карты раскрывать, к тому же пока что ни одной ставки не прозвучало.

– Послушайте нас. Послушайте то, как мы видим беду Петра Сергеевича. Это ужасно. Это чудовищно, хотя мы и повидали на своем веку многое, но это произошло, и ничего увы не вернуть. Девушку не воскресить. Позвольте заверить вас, мы не имеем к происшествию никакого отношения. Наши руки чисты. Мы пробуем сейчас найти грешника, взявшего это на свою душу, но, признаюсь вам, дело пахнет пока табаком.

– А как же та тройца, которая была найдена возле кровати убитой девушки? Кажется они из местных? – спросил барон.

– Пашка Шустрый, Леха Кабан и Мирон Головастый они местные ребята, но вы как сами понимаете в семье не без урода, в дорогом стаде не без лысой овцы, – не моргнув и глазом ответил седой.

Интересно а откуда он узнал о том, кто именно был найден возле кровати Майи Свешниковой? Откуда такая информация могла просочиться в народ. Похоже весьма грубо работают жандармы, или в открытую сливают важные сведения нужным людям.

– Что же вы стадо то раньше не почистили, пока лысые ваши овечки дел не понаделали? – поинтересовался Карл.

– Так вот то-то и оно, недосмотрели. Они сами то ребятки не далекие, но безобидные. По мелочи там что нашалить могли, а вот чтобы на крупное дело никогда. А тут такое суровое дело, дурное. На него они явно сами решились. Умишка бы не хватило. Недокумекали бы. Кто-то из чужих, пришлых людей надоумил. Вот мы и пытаемся найти лиса, повадившегося в наш курятник кур щипать. И уж если найдем, то накажем примерно.

Карл усмехнулся. Очень уж он сомневался, что у деловых людей получится кого-либо найти. Если бы здесь обычные разбойники поработали, то от гневного ока местных тузов заезжим гастролерам было бы не укрыться. А тут явно специалист по-магическим делам спектакль отрежессировал.

– Вы так уверенно говорите, что возьмусь поверить вам, – произнес Карл. – Но что вы хотите от меня?

– Справедливости, – твердо ответил седовласый. – Всего лишь непредвзятое отношение при вашей работе. И ничего больше. Если вы разберетесь по чести, то и в нашу тьму-таракань не наедут жандармы со всех концов России мутить воду, и дело наше рушить.

– Я обязательно разберусь во всем по справедливости, – сказал Карл. – Но не из-за того, что вы попросили меня об этом, а потому что это моя работа.

– А нам большего и не надо, – обрадовался седовласый, и поднялся из кресла. – Позвольте раскланяться. Мне пора. Надеюсь наши дороги никогда больше не пересекутся.

Карл ничего не ответил, только пристально посмотрел в холодные звериные глаза седовласого. Тот не выдержал взгляда барона, пробирающего до самой души, поднял со стола шляпу, водрузил ее на голову, натянул перчатки, надел пальто, и неторопливо шагом уверенного знающего себе цену человека прошел мимо Микони и вышел из гостиницы.

* * *

Усадьба профессора Свешникова находилась в пятнадцати километрах от города Горлова по накатанной ровной словно обеденный стол дороге, пролегающей между полями и лесами, принадлежащими завсегдагатам местного дворянского клуба. Мелкие помещики, кичившиеся собственной значимостью и древностью фамилий, всегда напоминали Карлу чванливых голубей важно выхаживающих перед озябшими воробьями. И пускай грудь и крылья в грязи, пускай глаза не разлипаются от беспробудного пьянства, пусть в голове пусто, словно под куполом церковного колокола, но зато древняя кровь, старинная фамилия, доставшиеся от предков привилегии и неплохой доход, снимаемый буквально с куста (полей). И рядом с ними профессор, заезжий выскочка, гость из столицы, непрощенный и нежеланный, купивший

особняк, принадлежащий когда-то одному из них, такому же пузатому голубю, протиравшему штаны в Дворянском собрании. Как это было все знакомо.

В усадьбу профессора Свешникова Карл отправился не один. Помимо Микони, его взялся сопровождать Алексей Бахмутов, успевший к этому времени побывать в жандармерии и заручиться поддержкой шефа жандармов генерала Павла Федровича Куратова. Генерал Куратов выделил им в сопровождение двух жандармов и своего адъютанта, унтер-офицера Рёвова, как выразился Бахмутов «для пригляду, мало ли что нанюхают полезного».

Особняк профессора Свешникова стоял в окружении тенистого яблоневого сада, по осени растерявшего вместе с листвой все очарование. Карета барона Мюнха подкатила по подъездной дорожке к парадному крыльцу и остановилась. Первым из кареты вышел Миконя и придержал дверцу для барона. Последним выбрался Бахмутов.

Карл внимательно осмотрел двухэтажный старый дом. Он был пропитан вековой историей. Грязные белые стены с облупившейся краской, покосившееся крыльцо с деревянными свежеразкрашенными в молочный цвет балясинами и перилами. Каменные колонны, поддерживающие балкон второго этажа, нависающий над крыльцом. Запущенность стен скрывал разросшийся, опутавший весь дом вьюн. Чувствовалось, что семья профессора только недавно переехала сюда и не успела привести особняк в порядок. Запустение так свойственно старинным родовым гнездам. А теперь видно уже и не до этого будет.

Карл попробовал взглянуть на здание «истинным зрением» и не увидел ничего интересного. Дом как дом. Со своей историей, с трагедиями, разочарованиями и победами. Всё как у всех, и все-таки по-особому. Карл увидел почти растворившееся в магополе Земли покрывало «Мертвого Сна», сотканное искусным магом. Чувствовалась опытная рука. Теперь было понятно, почему никто не проснулся, пока в доме творилась темная ворожба. Карл увидел множество волшебных нитей. Переплетенные между собой они образовывали хитроумные заклинания, он попытался в них разобраться, но ничего не получилось. Нити были неполными, частично сохранившимися, большую часть уже успело вобрать в себя магополе. Карл чувствовал себя археологом, пытавшимся вот так с наскоку прочитать древнеегипетские иероглифы. Его ждало разочарование.

Оторвавшись от созерцания дома, Карл поднялся по ступенькам и вошел внутрь. Миконя и Бахмутов следовали за ним. А спину столичным следователям прикрывали жандармы во главе с унтер-офицером Рёвовым, нервным желчным типом с бегающими глазками. Карлу он не понравился с первого взгляда.

На пороге дома барона Мюнха встретил профессор Свешников. Он услышал прошуршавшие по подъездной дороге колеса карет и вышел встречать незваных гостей.

Пётр Сергеевич Свешников выглядел подавленным. Высокий сутулый человек, лет пятидесяти состарился в одночасье. Горе пригнуло его еще больше к земле. Некогда чёрные густые волосы выбелились в тот момент, когда он увидел мертвой свою дочь. Только чёрные пышные усы говорили о его истинном возрасте. Ужас почему-то пожалел их. Красные от недосыпа и слез глаза и тяжелый устойчивый коньячный аромат завершал общую картину.

– Чем обязан? – поинтересовался профессор, не пуская гостей за порог.

Карл коротко представился и в двух словах обрисовал свое дело.

Пётр Сергеевич недобро ухмыльнулся и спросил:

– Зачем вам? Что вы еще можете найти? Местные ищейки тут все носами избороздили и ничего. Пусто.

– Пётр Сергеевич, попрошу вас, без личностей, – подал голос из-за спины барона адъютант Рёвов.

– А и вы тут? – устало произнес профессор. – Ладно. Проходите. Чего на пороге стоять. Свешников посторонился, пропуская всех внутрь.

– Только попрошу вас. Потихонечку Елена Михайловна только отдыхать улеглась. Всё на ногах. Всё на ногах. Тетка Саша сейчас с ней. Вы же наверное со всеми домашними поговорить хотите. А Никодима, дворника, тоже нет. Он поутру в город уехал...

– Не переживайте, Петр Сергеевич, я не собираюсь никого допрашивать. Вы вряд ли мне что-то полезное сможете рассказать, – успокоил профессора барон.

– А эти ироды замучили мою жену, – профессор кивнул в сторону жандармов.

– Пётр Сергеевич, поаккуратнее в выражениях. Вы тут... – возмутился Рёвов.

– Это вы поаккуратнее, – повернулся к жандарму Карл. – Если вы не успокоитесь и не заткнетесь, я превращу вас в лягушку и выкину в соседнее болото.

Рёвов побледнел от гнева и испуга, но стерпел.

– Пётр Сергеевич, нам надо место преступления осмотреть. Позвольте?

– Прошу вас, барон, но я с вами не пойду. Хватит с меня. Не могу больше. Мы вероятно уедем скоро отсюда. Я не смогу забыть, да и Елена Михайловна тоже, – пожаловался Свешников и отправился в гостиную, где как заметил сквозь открытую дверь барон, стояла батарея пустых коньячных бутылок.

Пётр Сергеевич Свешников пытался заглушить боль старым проверенным способом – при помощи бутылки. Только вот похоже профессора ничто не брало. Он пил и не пьянел, и снова пил и все бестолку.

Похоже Карл знал, куда подевался дворник Никодим. Профессор отправил его за коньяком в город, когда домашние запасы окончательно истончились.

– Господа, – повернулся к своей свите барон, – попрошу оставить меня. Дальше я пойду один.

– Но извольте... – попытался было возмутиться Рёвов, но тут же был остановлен Бахмутовым. Он положил руку на плечо жандарма и увлек его за собой, что-то объясняя по пути.

Миконя жестом показал Карлу, что последит за остальными. Мол, не извольте беспокоиться, ваше благородие. Все будет в лучшем виде.

Карл поднимался по лестнице долго. Он настраивался на работу, переходил в режим магического поиска. Он знал, что мертвой девушки в комнате нет, но все равно чувствовал всю тяжесть, навалившуюся на плечи этого дома. Почему убийца выбрал этот дом и эту девушку? Почему он вообще приехал в этот маленький городок? Почему не нашел что-нибудь поближе для своих нужд? И кто этот убийца-маг? Он убивал ради удовольствия? Или ради каких-то магических ритуалов?

Ноги мерили ступеньки. И с каждым новым шагом Карлу становилось все труднее и труднее подниматься, словно он продвигался вперед сквозь плотную толщу воды. Он не понимал, что происходит. Чувствовал, что дело не обошлось без магии, но уловить следы магического присутствия не мог. На лбу выступил пот, ноги налились свинцом. Он вцепился руками в перила, и уже всюду помогал себе руками, подтягивая тело на следующую ступеньку. Выбравшись на этаж, Карл привалился спиной к стене и перевел дух. Дальше так нельзя. Кто-то явно не хотел, чтобы во всем разобрались, разложили все события по полочкам и нашли корень преступления. А если кто-то поставил препятствия, значит нужно их обойти или взорвать к проклятой бабушке.

Карл обратился к внешнему миру, нащупывая магические лучи магополя Земли, подпитался к ним, вобрал в себя силу, сконцентрировал ее в области живота и выпустил из себя огненной вспышкой, выжигая любое враждебное магическое вмешательство вокруг. Тут же чудовищное ощущение, что ему на спину сгрузили пару бетонных строительных блоков, исчезло. Стало легко и свободно.

Карл отлепился от стены, оправил одежду и продолжил путь.

«Интересно, кому это потребовалось ловушки устраивать, но кем бы ты ни был господин хороший, я тебя обязательно найду, и из-под земли достану» – пообещал Карл.

Барон Мюнх решительно вошел в комнату. О свершившемся здесь чудовищном преступлении напоминали лишь три каменные мумии, застывшие вокруг аккуратно застеленной постели. Больше всего Карла поразила именно эта аккуратность с верой в то, что хозяйка этой постели когда-нибудь вернется сюда. Карл застыл, не в силах отвести взгляд от ровно натянутого покрывала. Сколько горя и боли было в этом идеально расправленном покрывале. С трудом оторвав от него взгляд, Карл посмотрел на каменные мумии. Приблизился к ним, попытался заглянуть в лицо ближайшей. Искаженная в похотливом оскале морда сохранила следы внезапно навалившейся смертной муки. Карл отпрянул от статуи и взглянул на каменную композицию «истинным зрением». Люди были несомненно мертвы. До этого Карл думал, что к ним применили специальные заклинания, и в глубине этих статуй еще теплится жизнь. Но он увидел, что это пустые окаменевшие оболочки. Кто-то высосал из них души. При этом их явно привели на убой. Они забрались в эту комнату по собственной воле, шли за какой-то целью, воцелели её. Последовали за щедрыми посулами, и маг, позвавших их за собой, воспользовался этим. Перед Карлом стояли три окаменевшие Жертвы.

Теперь барон не сомневался, что девушку убили не просто так. Здесь успешно провели какой-то весьма сложный ритуал, разобраться в том что это за ритуал Карл пока не мог. Он чувствовал, что ответ витает где-то на поверхности, но он никак не мог ухватить его.

Карл попытался воззвать к памяти места. Пусть эта комната сама расскажет ему о том, что здесь произошло. Он знал, что поработавший здесь до него Алексей Бахмутов не смог разговорить комнату, но барон полагал, что у него силенок поболее будет. И то что не удалось его предшественнику, у него получится.

Карл сосредоточился, собрал силы и посмотрел назад в прошлое, в историю этой комнаты. Мир вокруг него подернулся туманной пленкой, потек, изменился. Потухли краски, выцвели, стали бледными. Мир за окном застыл словно мгновенная фотография – яркий, возторженный мир настоящего. Понятное дело, Карл обратился к прошлому только этой комнаты. Там за окном мир продолжал жить своей жизнью, пока комната вспоминала свою историю.

Спальню наполнили призрачные силуэты людей, побывавших в ней за последние несколько дней. Люди в белых медицинских халатах и в серой форме жандармов то появлялись в комнате, то исчезали. Несколько раз комната показывала убитых горем родителей и высокого плечистого мужика в дворницком халате. Их допрашивали следователи. Карл видел адьютанта Рёвова, побывавшего на месте убийства. Как-никак громкое дело и шеф жандармов хоть и не приехал сам, но прислал своего верного пса, чтобы все разнюхал, а потом доложил. Карл увидел агента Бахмутова, нервно исследовавшего комнату. Он тоже пытался разговорить место убийства, но потерпел фиаско. Карл видел, что Бахмутову не хватило опыта и магических способностей, чтобы довести заклинание до конца. Вот появилась полная женщина преклонных лет с простым деревенским лицом в сером бесформенном платье. Она безмятежно вошла в комнату, предварительно постучавшись, и закричала. Карл и сам не заметил, как в комнате появилось мертвое тело девушки. Кажется спираль времени раскрутилась до момента обнаружения тела.

Карл приблизился к кровати и заглянул в лицо мертвой девушки. Майя, кажется, ее так звали. Красивое несчастное создание, обреченное на лютую смерть во имя какого-то жестокого магического обряда. Карл почувствовал к ней жалость.

Нянюшка, тетка Саша, исчезла из комнаты, и вот тут началось самое интересное.

Перед глазами Карла развернулась ночь убийства. Он почувствовал, как по комнате разлился страх и жуткое напряжение. Увидел влезавших в окно бандитов, как они окружают кровать, на которой мирно спала девушка. Все время пока ее убивали она даже не подняла голову с подушки. Её погрузили в особое пограничное состояние, когда мир своих сновидений она воспринимала как реальный, и в этом мире её напугали до сердечного приступа. Карл пропустил тот момент, когда на диванчике в углу комнаты появился размытый силуэт режиссера этого

мистического спектакля. Карл приблизился к нему, собираясь считать эхо его души, чтобы потом по индивидуальному отпечатку найти злодея, и в этот момент почувствовал, что угодил в ловушку.

Убийца Майи знал, что этим делом заинтересуются и пришлют опытного мага. Он понимал, что место убийства попытаются разговорить. Тогда убийца наложил на комнату заклинание «Петля Времени», а в его сердцевину положил свой образ, как манок, на который и клюнет маг. Карл, словно неопытный ученик волшебника, вляпался в ловушку, но избежать её у него практически не было шансов. «Петля Времени» весьма неприятная штука. Несчастного, угодившего в нее, она затягивает в себя, и из реального человека он превращается в воспоминание о себе самом. Скоро Карл выцветет как и все окружающие его предметы, станет туманным и дымчатым, словно бандиты, обступившие кровать Майи, и превратится в еще одного обитателя этой погружающейся в прошлое комнаты. Если вовремя не спохватится, то назад он никогда не сможет вернуться.

Почувствовав, как «Петля Времени» затягивается на его горле, Карл бросил все силы на то, чтобы разорвать проклятую удавку заклинания. Его с устрашающей силой засасывало в прошлое, и даже не в само прошлое, а в воспоминание о прошлом. Ещё чуть-чуть и потечет его память, он забудет о том, кто он есть и превратится в тень на стене, размытый силуэт, неотрывно привязанный к этой комнате. Бороться с удавкой бессмысленно, она словно смертоносный вирус проникла в кровь и отравила жизнь. Даже если просто скинуть «Петлю Времени», яд заклинания все равно останется внутри и уничтожит его.

Карлу стало страшно и интересно одновременно. Страшно потому что стать воспоминанием о самом себе ужасная участь, а интересно, потому что перед ним поставили магическую задачу, которую он должен срочно решить.

Это вызов. Вызов его разуму и его дару.

Карл разделил магические потоки, идущие сквозь него, на два рукава. Первый рукав пустил на разрыв «Петли Времени», сперва выставил защитный маго-экран, а потом атаковал враждебное заклинание встречным потоком магии. Встретив жестокое сопротивление «Петля Времени» истончилась и лопнула. Теперь осталось самое тяжелое, избавиться от яда заклинания, уже проникшего в организм. Сейчас его душа пропитывается враждебной магией и как только процесс закончится, он потеряет себя. Уже сейчас он начал сомневаться в собственной реальности. А правда ли живет в Российской империи такой маг, как барон Карл Мюнх? Или заукленное прошлое этой проклятой комнаты поработит его. Карл вызвал из памяти самые яркие картинки-впечатления, происходившие с ним, и отгородился воспоминаниями-эмоциями от надвигающегося заклятья. Старый барон Мюнх, первая встреча с ним, понимание того, что дни лишений закончились и Карл кому-то нужен, встал рядом с Лорой Ом, их первая встреча и первый огонек чувств, переросший в пожар, и Миконей, умный и добрый старый медведь, который никогда не даст Карла в обиду, и Стархом, воспоминания об ученике были наполнены особым трогательным теплом. По сути Старх был не просто его учеником, а его магическим сыном. Потоки света и любви, хранившиеся в его памяти, рванули навстречу смертельному заклинанию и выжгли его дотла.

В ту же секунду Карл вернулся в реальный мир, налившийся яркими красками, словно его только что раскрасил безумный художник и краска еще не успела высохнуть.

Возвращаться назад в прошлое этой комнаты больше нельзя. Карл порвал «Петлю Времени», брошенную на него, но ловушка осталась взведенной в прошлом. И в следующий раз у него не будет никаких шансов. Слишком вымотала его эта битва. К тому же последствия ее могли разрушить память комнаты.

Карл, пошатываясь от усталости, добрался до диванчика, на котором и сидел убийца Майи, и упал на него. Только тут он заметил, что каменного трио скульптур больше не было. Все что от них осталось, это груда камней на ковре возле кровати.

Карл был зол. Он так ничего и не смог толком разузнать о личности убийцы Майи Свешниковой. Но теперь он был уверен, что убийство произошедшее в этой комнате было ритуальным. И он знал, что за ритуал исполнялся тут. Убийце была нужна живая душа девушки, пойманная в сеть после смерти от испуга. Значит, здесь поработал Ловец, и не просто Ловец, а Мастер своего дела. Сильный Мастер.

Для бедной Майи со смертью страдания не закончились. Впереди её ждала незавидная участь. Душа, пойманная Ловчим, могла быть использована в любом черном колдовстве, как один из ингредиентов. Колдовстве великой силы и великого разрушения. Только после использования душа исчезает в небытие без права на жизнь. Страшная участь. Чудовищная несправедливость, И Майя была обречена, если только он не успеет помешать негодяю и не отпустит душу несчастной на свободу.

Карл поднялся и, пошатываясь, вышел из комнаты. Здесь ему больше нечего делать. Надо срочно установить личность Ловца, а для этого ему требовалось обратиться в Гильдию Ловцов. Но сделать это он мог только при поддержке Верховной Ложи Чёрного Дракона. Если же он попытается разговаривать Гильдию как чиновник по особым поручениям Тайного кабинета Российской империи, никто не станет с ним разговаривать. Тут нужно давление пострашнее.

Теперь он должен вернуться в Невскую Александрию. И как можно быстрее. Дело не терпит отлагательств. Кто знает как давно ловит невинные души Ловец и сколько ему еще нужно. Его нужно срочно остановить. Пока не поздно. Пока еще можно освободить Майю и дать ей шанс на новую жизнь, шанс на возрождение.

Глава 7

Чёрные драконы

Резиденция ложи «Черного Дракона» находилась в местечке неприметном и мало известном, на углу Пороховой и улицы генерала Погребижского что на Васильевском острове, в неказистом оранжевом трехэтажном домике с обшарпанным фасадом, грязными окнами и жестяным рыцарем-флюгером. Домик стоял в центре Невской Александрии и обывателями принимался за обычный доходный дом. Что же по-настоящему скрывалось за его стенами знали только избранные, допущенные в ложу. Рядовой горожанин, переступив порог домика с флюгером-рыцарем, оказывался перед стойкой консьержа, где за небольшую сумму мог снять комнату или квартиру на любой срок. Посвященный оказывался в огромной богато украшенной рыцарской зале, где его встречал механический дворецкий и провожал к Великому Магистру ложи или к одному из Верховных Магов в случае отсутствия Магистра. Каждый видел только то, что было доступно его восприятию. Получалось это благодаря тому, что дом на углу Пороховой и улицы генерала Погребижского был необычным, а волшебным. Он существовал одновременно в двух измерениях: в реальности для людей обычных, и вне времени и пространства для адептов ложи Черного Дракона, при этом маги из других лож так же не имели возможности попасть в Гнездовище Черного Дракона, как его именовал Великий Магистр Квасура.

Всю обратную дорогу до Невской Александрии барон Карл Мюнх провел в необычайной задумчивости. Карл тщательно проигрывал в уме все что знал о смерти Майи Свешниковой, все события, что произошли с ним по дороге к дому профессора и в самом доме. Он тщательно анализировал каждый свой шаг, пытаясь решить для себя, мог ли он избежать ловушки Ловца, и понимал, что нигде не допустил ошибок. Таких ловушек ему видеть не доводилось. «Петлю Времени» он встречал и не раз, но чтобы в таком проявлении не случалось. Значит Ловец в Гильдии занимает не последнее место, если конечно состоит. Правда, говорят Гильдия скоро на расправу и не допускает самозванцев, которые к тому же не отчисляют процент с заработанных на заказах денег. Так что как не крути посоветоваться с Великим Магистром стоило. Только он мог дать рекомендации к Главе Гильдии Ловцов. К тому же Карл чувствовал, что эта история не такая уж простая, как может показаться. Ведь кто-то же нанял Ловца, ради чего-то была похищена душа умершей от испуга девушки. И он понимал, что одной душой Ловец не ограничится. Да и Ловец всего лишь исполнитель чужой воли, а вот кто заказчик – это главный вопрос!

Миконя, видя погруженность барона в себя, старался быть тихим и незаметным, чтобы не, дай бог, не потревожить, не сбить с важной мысли. Карл не рассказал, что произошло с ним наверху в комнате убитой девушки. Когда он спустился бледный и пошатывающийся, Миконя сразу почувствовал, что дело труба, что-то пошло не так и барону изрядно досталось. Но Миконя никак в толк не мог взять, к чему такая спешка? Можно было и переночевать одну ночь в гостинице, а поутру уже и в Александрию отправляться. Но Карл, покинув особняк профессора Свешникова, распрощался с Алексеем Бахмутовым и распорядился «гнать что есть мочи» до столицы. Миконя не стал спорить, хотя и не понимал этой спешки.

Лишь только они въехали в Александрию, барон снова удивил Миконю. Приказал править к углу улицы генерала Погребижского и Пороховой. Даже домой не заехал, чтобы с дороги в порядок себя привести.

Карета остановилась перед неказистым желтым домиком. Карл выбрался первым, заглянул в карету и сказал:

– Отправляйтесь домой. Распаковывайся. Отдыхай.

– А как же вы, батюшка барин? – изумился Миконя. Вот так взять и бросить барона одного посреди мокрой холодной улицы.

– Не беспокойся, я уж как-нибудь сам доберусь, – сказал Карл тоном не терпящим возражений и захлопнул дверцу.

Делать нечего. Приказ есть приказ и его нужно исполнить. Никодим хлестнул кнутом, и лошади взяли с места, разбрызгивая вокруг себя дождевые капли из луж.

Карл повернулся лицом к Гнездовищу Черного Дракона, смерил здание взглядом и неспешно направился вперед. От резких порывов ветра перехватывало дыхание. В лицо летели колючие дождевые брызги, и как назло за несколько шагов до крыльца небо прохудилось. Ливнуло, как из дырявой лохани.

Карл надвинул шляпу поглубже на глаза, запахнул пальто и добежал до парадного крыльца, такого же невзрачного как и сам дом. Массивная дубовая дверь с дверным молотком и электрическим звонком коричневого цвета резко выделялась на фоне остального здания. Карл надавил кнопку звонка, одновременно отправляя на маговид дома магический слепок своей личности. Его образ сравнили с имеющимся в базе данных, дверные замки щелкнули и дверь открылась. Сквозь дверной проем на него глядел другой мир, иное измерение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.